

ВЕСТНИК

ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

Вып. 2, 2009

Философия

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-16954 от 5 декабря 2003 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

В. Н. Егоров, д-р экон. наук
(председатель)

Д. И. Польшинский, д-р ист. наук
(зам. председателя)

В. И. Назаров, д-р психол. наук
(зам. председателя)

Л. В. Михеева (ответственный секретарь)

К. Я. Авербух, д-р филол. наук (Москва)

Ю. М. Воронов, д-р полит. наук

Н. В. Усольцева, д-р хим. наук

К. Префке, профессор (Германия)

Ю. М. Резник, д-р филос. наук (Москва)

О. А. Хасбулатова, д-р ист. наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. Н. Портнов, д-р филос. наук

Д. И. Польшинский, д-р ист. наук

О. В. Рябов, д-р филос. наук

Над выпуском работали:

директор издательства *Л. В. Михеева*
редакторы *О. В. Батова*, *О. Я. Литвак*
технический редактор *И. С. Сибирева*
компьютерная верстка *Т. Б. Земскова*
обложка *Р. Е. Круглов*

ISBN 978-5-7807-0778-3

© ГОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Философия

Брагин А. В. Проблема устойчивого развития социума и конфуцианская концепция управления 3

Калинин П. Е., Портнов А. Н. Проблемы языка описания сознания 8

Петряков Л. Д. Семантика конфликта 37

Смирнов Г. С. Биосферно-ноосферные аттракторы экологического развития города Иванова 58

Юбилей 70

Аннотации 73

Summaries 74

Сведения об авторах 75

Подписано в печать 23.09.2009 г.
Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 6,65. Уч.-изд. л. 5,8. Тираж 300 экз.

Издательство
«Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (0932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series "The Humanities"

Issue 4, 2009

Philosophy

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Russian Federation Ministry
of Press, Television and Radio Broadcasting and Mass Communications
Registration certificate PI № 77-16954 of December 5, 2003

EDITORIAL COUNCIL:

- V. N Egorov*, Doctor of Economics (Chairman)
D. I. Polyviannyi, Doctor of History
(Vice-Chairman)
V. I. Nazarov, Doctor of Psychology
(Vice-Chairman)
L. V. Micheeva (Secretary-in-Chief)
K. Ya. Averbuch, Doctor of Philology
(Moscow)
Yu. M. Voronov, Doctor of Politics
N. V. Usoltseva, Doctor of Chemistry
K. Prefcke, Professor (Germany)
Yu. M. Reznik, Doctor of Philosophy (Moscow)
O. A. Khasbulatova, Doctor of History

EDITORIAL BOARD:

- A. N. Portnov*, Doctor of Philosophy
D. I. Polyviannyi, Doctor of History
O. V. Rjabov, Doctor of Philosophy

Editorial Staff:

Publishing House Director *L. V. Mikheeva*
Editors *O. V. Batova*,
O. Ya. Litvak
Technical Editor *I. S. Sibireva*
Computer layout *T. B. Zemskova*
Cover *R. E. Kruglov*

ISBN 978-5-7807-0778-3

© SEI of HPE "Ivanovo State University",
2009

CONTENTS

Philosophy

- Bragin A. V.** The problem of sustainable development of society and Confucian conception of management 3
- Kalinin P. E., Portnov A. N.** The problems of the language used for description of consciousness 8
- Petryakov L. D.** Semantics of conflict 37
- Smirnov G. S.** Biosphere-noospheric attractors of the ecological development of Ivanovo 58
- Jubilees* 70
- Summaries* 74
- Information about the authors* 75
- Information for the authors of "Ivanovo State University Bulletin"* 76

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series "The Humanities"

Issue 2, 2009

Philosophy

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Russian Federation Ministry
of Press, Television and Radio Broadcasting and Mass Communications
Registration certificate PI № 77-16954 of December 5, 2003

ББК 87.6:60.80

А. В. Брагин

ПРОБЛЕМА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СОЦИУМА И КОНФУЦИАНСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Мы живем в эпоху постсовременности, которая заявила о себе не тогда, когда Ф. Фукуяма написал свою книгу «Конец истории», а гораздо раньше, когда Ф. Ницше провозгласил «Бог — умер», а К. Малевич написал свой «Черный квадрат». В философском и системном смысле *постсовременность* — маргинальное, пограничное состояние общества, за которым может и должен последовать прорыв во что-то иное. Это точка бифуркации, когда актуально присутствуют все возможные состояния. Отсюда и кажущийся непреодолимым кризис исторического самоопределения человечества, происходящий в условиях ценностного релятивизма как доминирующего мотива в сознании людей. Антропоцентризм, ставящий в центр мироздания родового человека, сменяется персонцентризмом. Индивидуализм, нарастая в обществе, приводит к социальному аутизму. Целое неизбежно распадается, утрачиваются социальные связи. Однако ощущение безвыходного тупика все-таки преодолимо. Одной из значимых попыток выхода стала концепция *устойчивого развития*.

Термин «устойчивое развитие» («sustainable development») широко используется в научной и философской литературе с 1992 г., однако, как справедливо отмечал Н. Н. Моисеев, содержательный смысл этого понятия нуждается в прояснении. Действительно, в России с начала 90-х гг. депопуляция населения идет со скоростью примерно 800 тыс. человек в год. Ясно, что концепция устойчивого развития (как стратегия, призванная обеспечить существование россиян в долгосрочной перспективе) не может предполагать сохранения негативных тенденций, объективно ограничивающих время функционирования данной этнополитической системы максимум 150 годами. Здесь необходимо подчеркнуть, что концепция устойчивого развития должна быть нацелена не на увековечивание факторов, обеспечивающих регресс общества, а напротив, на поддержку и формирование факторов, обеспечивающих *конструктивное* развитие — общественный прогресс (цель которого — гармоничное существование человека в природной и социальной среде). Данное положение является универсальным и определяющим конструктивный характер развития человечества как на региональном, так и на глобальном уровне, а следовательно, его устойчивость перед природными и социальными катаклизмами. Проблема обеспечения конструктивного устойчивого характера развития человечества весьма многогранна, сложна, и решать ее

© Брагин А. В., 2009

2009. Вып. 2. Философия •

начали не сегодня и не в 1992 г. Особое место в накопленном человечеством опыте, на наш взгляд, занимает история культуры Китая, и в частности творческое наследие Конфуция — его теория управления на основе добродетели.

Дело в том, что Китай представляет уникальный случай динамической устойчивости социальной жизни, непрерывного 5-тысячелетнего развития своей этнокультурной целостности. Причем, будучи одним из первых очагов человеческой цивилизации, Китай, китайский народ и сегодня остаются на передовых рубежах социального и экономического прогресса. Доминирующей теоретической основой государственной практики Китая было и продолжает оставаться (на протяжении более 2 тыс. лет) конфуцианство, демонстрируя свою эффективность в плане обеспечения социальной стабильности, устойчивого конструктивного развития. Пример подобного развития, несомненно, представляет огромный научный и практический интерес, требует всестороннего междисциплинарного исследования, необходимость которого давно назрела и весьма актуальна. Не ставя перед собой столь глобальной задачи, попытаемся сакцентировать внимание на имеющей место практической применимости и значимости конфуцианской концепции управления обществом, именно для выявления ее эвристического потенциала в решении проблемы устойчивого развития социума.

Правда, некоторые исследователи китайской философии, например А. А. Маслов, утверждают, что конфуцианство — это «абсолютный слепок национального характера китайской нации» [3, с. 16]. Действительно, правомерна ли экстраполяция теоретической концепции, пусть и отлично зарекомендовавшей себя, но сформировавшейся в специфических условиях Азии, на современную глобальную цивилизацию, вышедшую из европейской христианской культуры? Ответ на этот вопрос будет положительным. На наш взгляд, концепция Конфуция и его последователей имеет мировое универсальное значение. Национальная специфика придает лишь определенную форму теоретически и практически значимому — методологии преодоления системного социального кризиса.

Человечество едино по своей природе, и данное обстоятельство получает свое выражение в нарастании его социокультурного единства. Причем такое единство вовсе не предполагает стирания этнических и культурных различий, ибо **различия — необходимое условие устойчивости существования человека на планете Земля**. Различия фиксируют опыт адаптации этносов к среде, т. е. отличающиеся друг от друга варианты стратегий существования, могущие быть востребованными всем человечеством в связи с изменением условий жизни. Полиэтничность и поликультурность человечества создают «запас прочности», жизнеспособности человечества перед лицом возможных испытаний. Представляется, что момент востребованности предложенной Конфуцием стратегии выживания социума для современного человечества настал.

Прежде чем непосредственно перейти к анализу конфуцианской концепции управления, необходимо отметить, что базируется она на преданности культурной традиции. Традиция, как одна из основных ценностей, осознанно или неосознанно принимаемых людьми, уже с эпохи Нового времени (и тем более сегодня — в рамках современной глобальной цивилизации) лишена ореола святости и неприкосновенности. Культурная традиция считается архаическим пережитком. В то время как выживание в течение тысячелетней и немислимо трагической истории не только китайского, но и еврейского и

некоторых других народов как социокультурных целостностей оказалось возможным только благодаря абсолютной преданности традиции.

Конфуций говорил: «Нет ничего лучшего, чем следовать древним». Он заповедовал китайцам: «Из древних, чудесных камней сложите ступени будущего». Отсюда и ориентация на прошлое как эталон, а лучше сказать — камертон для настройки социума. Почтение и любовь к духовному наследию национальной культуры стали основой воспитания народа. За ориентацию на традиции «прогрессисты» всех эпох и народов упрекали Конфуция и его последователей в реакционности. Но в XX веке становится все более ясно, что «жить в эпоху перемен», когда рушатся традиции, и правда можно пожелать лишь врагу.

Итак, что собой представляет конфуцианская концепция социального и государственного руководства (общественная и государственная жизнь в Китае, как и в России, всегда были весьма тесно взаимосвязаны)? Центром данной концепции является предложенное Конфуцием управление на основе правил поведения и долга, добродетели социальной элиты (как эталона), акцентирующее внимание на *воспитании* народа (главное здесь «атака на сердце»), а система государственных законов играет вспомогательную роль, содействуя добродетели и народа, и элиты. Конфуций говорил в этой связи: «Если руководить народом посредством законов и поддерживать порядок при помощи наказаний, народ будет стремиться уклоняться [от наказаний] и не будет испытывать стыда. Если же руководить народом посредством добродетели и поддерживать порядок при помощи ритуала, народ будет знать стыд, и он исправится» [1, с. 45]. Для чего обязательно нужно создать определенные условия.

По Конфуцию, чтобы «атака на сердце» была успешной, необходимо «человеколюбие» — основа добродетелей. Конфуций полагал, что, используя добродетели в качестве критерия, можно вычленив в народе духовную элиту, призванную управлять обществом (ее представители обозначаются термином «*благородный муж*» — «цзюнь-цзы») и основную массу населения (представители которой обозначаются термином «*низкий человек*» — «сяожень»). Камертоном для общества, по Конфуцию, служит «благородный муж», который является почтительным сыном, братом, родственником, уважаемым и преданным по отношению к высшим и милостивым к народу, усердным в службе и верным долгу, строго соблюдающим ритуал и традиции, заботящимся не о славе или богатстве, а о том, чтобы его способностей хватило для исполнения долга, испытывающим трепет перед «волей Неба» [1, с. 570—575]. Говоря о том, что благородные мужи должны неуклонно следовать долгу как высшему мотиву поведения, Конфуций вовсе не призывал их отказаться от выгоды. Он писал о благородном муже: «Сначала [проявляет] долг, затем приобретает [выгоду], поэтому людям не надоедают его приобретения» (цит. по: [2, с. 67]) (как бы хорошо помнить об этом нашим отечественным политическим и общественным деятелям!). Обращаясь к благородным мужам, Конфуций говорит: «Стыдно быть бедным и занимать низкое положение, когда в государстве царит закон; равно стыдно быть богатым и знатным, когда в государстве царит беззаконие» [1, с. 278].

«Благородный муж» заботится о 9 вещах: «чтобы видеть ясно; слышать четко; о том, чтобы его лицо было приветливым; о том, чтобы его поступки были почтительными; о том, чтобы его речь была искренней; о том, чтобы его действия были осторожными; о необходимости спрашивать других, когда

появляются сомнения; о необходимости помнить о последствиях своего гнева; о необходимости помнить о справедливости, когда есть возможность извлечь выгоду» [1, с. 617]. В то время как «низкий человек», по мнению Конфуция, гонится лишь за собственной выгодой, не знает, что такое долг, и потому легко преступает запреты, не ведает, что такое «воля Неба», пренебрежительно относится к старшим и вышестоящим, издевается над словами мудрецов, чужд гармонии, легко распускается, зависим и не обладает чувством собственного достоинства, постоянно ждет милостей и пр. [1, с. 673]. **«Благородный муж предъявляет требования к себе, низкий человек предъявляет требования к другим людям»** [1, с. 573]. Благородный муж может управлять людьми в силу своих нравственных достоинств при помощи вдохновляющего примера и ритуала, ибо «мораль благородного мужа [подобна] ветру; мораль низкого человека [подобна] траве. Трава наклоняется туда, куда дует ветер» [1, с. 432].

Конфуций, давая рекомендации управленцам, утверждал, что «с помощью правил поведения и уступчивости можно управлять государством» (цит. по: [2, с. 63]). Под уступчивостью он понимал вовсе не беспринципное соглашательство, а следование человеколюбию, основанному на уважении, великодушии, доверии, сметливости и милости. Конфуций подчеркивал: «Если уважаем, то тебя не будут презирать. Если великодушен, то владеешь всем миром людей. Если вызываешь доверие, то люди будут служить тебе. Если сметлив, то добьешься успеха. Если милостив, то это даст возможность распоряжаться людьми» [1, с. 635]. Он предостерегал: «Быть смуте, коль чрезмерно ненавидят людей, лишенных человечности» [1, с. 275]. Конфуций призывал: «Управляй им (народом. — А. Б.) с достоинством, и он будет почтителен; почитай своих родителей и будь милостив, и он будет предан; возвышай добрых и наставляй неспособных, и он устремится к добру» [1, с. 69]. Философ учил: «Благородный муж, не обретя доверия простых людей, не заставляет их трудиться, иначе они примут его за насильника; не обретя доверия, он не выступает с увещанием, иначе его примут за клеветника» [1, с. 694].

Конфуций прекрасно понимал, будучи сам практиком-управленцем (у себя на родине, в царстве Лу, он занимал, в частности, должности смотрителя общественных работ, начальника судебного приказа), что успешность воспитательного нравственного воздействия на подчиненных требует от управленцев не только добродетелей, но и создания определенных объективных и субъективных условий. В числе объективных условий Конфуций выделял необходимость «сделать народ богатым», а потом уже и воспитывать [1, с. 457], т. к. «низкий человек в нужде становится распущенным» (цит. по: [2, с. 66]). А вот если экономические меры и воспитание не дают эффекта, то только тогда, по мысли Конфуция, можно применять государственное насилие на основе законов.

В концепции Конфуция политическое управление обществом обязательно учитывает межличностные, внутрисемейные отношения, которые считаются не частным делом, а — государственным. Философ в этой связи отмечал: «Редко бывает, чтобы человек, отличающийся сыновнею почтительностью и братской любовью, любил восставать против старших, и никогда не бывает, чтобы тот, кто не любил восставать против высших, захотел произвести возмущение» [1, с. 17].

Особое значение Конфуций придавал периодической корреляции информационного пространства социума. В этом плане философ рекомендовал

использовать для восстановления социальной гармонии специфическую процедуру — «исправление имен» («чженмин»). Суть предлагаемого — вернуть положение, когда «правитель был правителем, слуга — слугой, отец — отцом и сын — сыном» (цит. по: [2. с. 61]), т. е. **вернуться к изначальному смыслу базовых понятий, отражающих социальную действительность, и через это устранить накопившиеся в действительности деформации.** Ибо, с точки зрения Конфуция, если «имена неправильны, то слова не имеют под собой оснований. Если слова не имеют под собой оснований, то дела не могут осуществляться. Если дела не могут осуществляться, то ритуал и музыка не процветают. Если ритуал и музыка не процветают, наказания не применяются надлежащим образом. Если наказания не применяются надлежащим образом, народ не знает, как себя вести. Поэтому благородный муж, давая имена, должен произносить их правильно, а то, что произносит, правильно осуществлять» [1, с. 448].

Возвращаясь к современной ситуации в мире и России, отметим, что кризис конструктивной социальной системы ценностей, нравственный релятивизм действительно являются во многом результатом того, что в сознании масс утрачена четкая грань между такими основополагающими понятиями, как добро и зло, свобода и произвол, справедливость и беззаконие. Такие понятия, как грех, совесть, достоинство, честь, стыд, представляются значительной части молодежи лишенными содержания. Свойственные современной глобальной цивилизации гипертрофированные рационализм и утилитаризм, как справедливо подметил Й. Хейзинга, «убившие таинство» и провозгласившие свободу человека от вины и греха, «при этом забыли освободить его заодно от глупости и близорукости, и он оказался теперь призванным и способным осчастливить мир по шаблону своей собственной банальности» [4, с. 216—217]. В основе восприятия социальной действительности и поведения личности, руководствующейся в практической жизни принципами индивидуализма и эгоистической выгоды, лежит деформированное информационное пространство общественного сознания, разрушающее социальную реальность. Указанные негативные процессы автоматически, сами собой позитивными не станут, здесь необходимо управление — компетентное и нравственно ориентированное руководство. В такой ситуации чрезвычайно уместна и актуальна была бы процедура «исправления имен», предложенная Конфуцием, при условии, однако, что осуществлять ее будут «благородные мужи». Только в этом случае для человечества есть шанс практически претворить в жизнь концепцию устойчивого конструктивного развития.

Библиографический список

1. Беседы и суждения Конфуция. СПб., 2001.
2. История китайской философии. М., 1989.
3. *Маслов А. А.* Тайный код Конфуция. Что пытался передать Великий учитель? Ростов н/Д, 2005.
4. *Хейзинга Й.* Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992.

ББК 87.224.2

*П. Е. Калинин, А. Н. Портнов***ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА ОПИСАНИЯ СОЗНАНИЯ**

Всякое знание требует понятия, каким бы
несовершенным и неясным оно ни было.

И. Кант

Непосредственная уверенность, философ-
ская разумность и нравственная плодотворность — вот единственно примени-
мые здесь критерии.

У. Джеймс

В огромном количестве работ, посвященных сознанию, самыми острыми проблемами являются его структура и механизмы функционирования. Эти две темы тесно переплетены между собой, и вот почему. Объясняя механизм функционирования сознания, мы вынуждены так или иначе касаться его структуры, и наоборот. Совершенно очевидно, что мозговой субстрат сознания имеет определенную структуру. Можно спорить о деталях, но вполне очевидно, что исследования нейрофизиологов и нейропсихологов второй половины XX века дали обширный материал для понимания мозгового субстрата сознания и вместе с тем породили массу вопросов, на которые еще предстоит дать ответы. Просто в настоящее время они формулируются иначе, чем тогда. Еще в 80-е годы XIX века Дж. Хьюлингу Джексону стало понятно, что полушария мозга не эквивалентны по отношению к работе сознания. С тех пор получен большой экспериментальный материал, прояснивший многие нейрофизиологические и нейропсихологические моменты, но нельзя сказать, что механизмы функционирования сознания, как и сущность процесса осознания объективной и субъективной реальности, стали для нас достаточно понятными.

Мы должны отдавать себе полный отчет в концептуальных трудностях, которые встают при разработке языка описания сознания. «То, что здесь подразумевается, навсегда останется недоступным ученому исследованию, — полагал О. Шпенглер. — Недаром каждый язык своими тысячекратно запутанными обозначениями предостерегает от намерений теоретически расчлнить и систематически упорядочивать душевное. Здесь упорядочивать нечего. Скорее можно разложить с помощью скальпеля или кислоты какую-нибудь тему Бетховена, чем душу — средствами абстрактного мышления» [54, с. 478]. В этих словах выдающегося мыслителя четко выражено понимание недизъюнктивности сознания. Всякого рода попытки представить сознание как нечто состоящее из восприятия, памяти, мышления, выделить в нем некоторые «части» и т. п. не имеют никакого смысла. Ниже мы покажем, почему. Разумеется, дело не сводится только к языку/языкам описания сознания. Например, большое значение имеет то, в рамках какой антропологической теории осуществляется рефлексия над сознанием; в зависимости от выбранной антропологической схемы мы можем получить достаточно различные результаты. Кстати, это обстоятельство практически не осознается исследователями. В рамках данной статьи мы лишь коснемся этой проблемы, не вда-

ваясь глубоко в частности. Имеет смысл представить сознание как некую структуру и аксиоматически постулировать его основные свойства, а уже затем, на основе этих свойств, попытаться объяснить существующие феномены умственной, эмоциональной и смыслообразующей деятельности человека.

Первое свойство, которое часто приписывают сознанию, это целостность. Иначе говоря, сознание представляется как некое целостное образование, различными проявлениями которого являются процессы мышления, эмоционального чувствования, восприятия и другие. Хотелось бы отметить, что сознание здесь подразумевается не только как область того, что осознает человек; в данном контексте оно предстает как единый феномен, включающий в себя подсознание, предсознание и осознанную область психической сферы. Является ли эта вполне рациональная схема описанием того, что существует в действительности, либо это метафорическое описание, в основе которого лежит перенос некоего свойства на иной предмет? Основой же метафорического переноса здесь служат пространственные свойства — нечто лежит выше, другое ниже и т. п.

Прежде всего, следует вполне определенно указать на то обстоятельство, что большинство из имеющихся на сегодняшний день моделей сознания носит метафорический характер. В одних случаях эта метафоричность осознается самими авторами, в других — вскрывается в процессе рефлексии над проблемой. В последнем случае возможно метафорическое описание: метафора второго порядка используется для вскрытия метафорической природы исходного текста. Этот прием весьма удачно применил Л. А. Радзиховский, отметив, что сознание описывается нами на «языке часов», тогда как более адекватным был бы «язык облаков». С одной стороны, вполне очевидно, что сознание, психика так или иначе структурированы, что анализ здесь необходим и приемлем. С другой же, как пишет Л. А. Радзиховский, «облака» упрямо не лезут в прокрустово ложе «часов»: выделение любых элементов психики или сознания, будучи вполне осмысленной научной процедурой, имеет своим результатом следующий парадокс. Любой элемент психики в принципе содержит в себе всю психику. Психика, как совершенно верно отмечает Л. А. Радзиховский, это процесс. В этом смысле и употребляется выражение «поток сознания». Если мы возьмем любой «поперечный срез» этого процесса, рассуждает далее Л. А. Радзиховский, любую его часть, мы обнаружим в ней и все предыдущие состояния («память»), и направленность («эмоции»), и «мышление», и т. п. Трудно не согласиться с исследователем в том, что «никакую часть нельзя “вырезать” из психики в целом. Если бы какую-то часть (какой-то элемент) психики, сознания (а не поведения) и удалось “зафиксировать” извне, то внутри этого элемента сразу обнаружилось бы и все остальные “части”, и все сознание, вся психика в целом» [40, с. 119].

Л. А. Радзиховский считает, что методологические трудности описания сознания могут быть преодолены только в том случае, если будет создан некий совершенно новый метод анализа, выработанный более совершенный язык описания, который еще не найден в современной теории познания. В противном случае мы будем вынуждены «подгонять язык описания психики под существующие эпистемологические представления» и иметь в результате «очень слабый анализ очень странного объекта, произвольно подставленного на место психики» [40, с. 120]. Сам Л. А. Радзиховский видит решение проблемы в том, что анализировать сознание следует под углом зрения *диалогизма*, т. е. памятуя о том, что все его «элементы» и «механизмы» несут в

себе снятые (в гегелевском смысле) следы происхождения сознания из диалога [41, с. 24—35]. Ныне увлечение диалогизмом практически сошло на нет, и достаточно сильное допущение Радзиховского о следах диалогизма в сознании не представляется таким актуальным, как двадцать лет назад.

Вместе с тем соображения Л. А. Радзиховского о методологических трудностях, которые возникают при анализе сознания, нельзя не учитывать. В связи с его статьей «Диалог как единица изучения сознания» мы хотели бы выделить еще один важный для нас момент. Он отмечает, что часть психологов (а именно те, кто работает в «научной» психологии) стремится к максимально объективированным описаниям психических процессов. Одновременно «научная», т. е. когнитивная, психология оказалась почти полностью отделенной от «понимающей», изучающей творчество, личность, эмоции, разрабатывающей различные виды психологических практик (тренинг, игры, психотерапевтические беседы и т. п.). «Сферы влияния разделены и почти не пересекаются», — констатирует Л. А. Радзиховский [41, с. 109] Как мы видим, это очень напоминает ситуацию, имеющуюся в философии. Соответственно различными оказываются и «образы сознания», сложившиеся в «понимающих» и «научных» (т. е. рефлексивных, рационально-понятийных) системах описания.

В анализе методологических трудностей описания сознания, проведенном Л. А. Радзиховским, акцент сделан на диалектике (доведенной до антиномии) дизъюнктивного и недизъюнктивного, дискретного и недискретного в работе сознания. Интерпретируя некоторые данные нейропсихологии о характере работы правого и левого полушарий, Л. А. Радзиховский отмечает, что дискретные психические образования расчленяют, структурируют, логически упорядочивают восприятие человеком внешнего мира и — выделим это особо — своего собственного сознания. Эти образования, их имманентный язык могут быть в принципе описаны на порожденном ими логико-дискретном языке. С помощью же недискретных образований «человек субъективно переживает свое сознание как единое, целостное, не включающее никаких дискретных и связанных корреляциями частей (структур); с помощью этих образований он воспринимает и внешний мир как целостный» [Там же]. Имманентный язык таких образований, полагает Л. А. Радзиховский, не может быть описан на дискретно-логическом языке.

Не вдаваясь здесь в дискуссию о том, насколько верна констатация относительно характера языка, используемого для таких описаний, отметим следующее. Дискретное и недискретное в сознании — это другое обозначение для явных и неявных форм субъективности, для понятийно-рефлектированного и переживаемого, к чему так или иначе обращалась философия на протяжении всего периода своего существования. В этом смысле выделение дискретного — недискретного в работе сознания вполне разумно, но явно недостаточно в методологическом отношении. Уже то верно отмеченное Л. А. Радзиховским обстоятельство, что «само отношение дискретных и недискретных образований в психике нельзя понимать дискретно: отдельно дискретные части, отдельно недискретные» [Там же], а также хорошо известный факт, что в любом психическом процессе имеет место взаимодействие дискретных и недискретных компонентов, и то обстоятельство, что мы *все-таки можем* так или иначе говорить о содержании дискретных и недискретных единиц, заставляет думать, что с «недискретным» языком дело обстоит не так просто, как думает Л. А. Радзиховский. В конечном счете все дело

упирается в проблему способа выражения недискретных, свернутых, эмоционально окрашенных и слабо структурированных содержаний нашего сознания с помощью средств «обыденного языка». В первую очередь это относится к выражению содержания нашего сознания в обыденном дискурсе, затем — в поэтической речи. Однако все более очевидной становится релевантность этой проблемы для языка научных теорий и научного дискурса. Тем не менее, очень важным представляется тематизированный Л. А. Радзиховским парадокс части и целого в анализе сознания.

Думается, что этот парадокс так или иначе осознается большинством исследователей сознания. Как нам представляется, наиболее распространенными средствами если не разрешения, то уж, во всяком случае, *технической элиминации* его является метафоризация описания функционирования сознания. В настоящее время, когда так называемая компьютерная метафора получила большое распространение, этот аспект стал предметом специальной рефлексии философов и ученых (гуманитариев и естественников). Всего лишь три десятилетия назад компьютерная метафора не воспринималась именно в качестве метафоры, а представлялась использующим ее, как нам думается, в качестве более адекватного средства описания феномена сознания. Так, А. Р. Лурия, применяя адаптацию общекибернетических идей к психологической проблематике и учитывая концепции Н. А. Бернштейна и Дж. Миллера, Ю. Галантера и К. Прибрама, характеризовал работу сознания следующим образом. Работа сознания включает в себя получение и переработку информации с выбором ее наиболее существенных звеньев и сохранением в памяти усвоенного опыта, постановку задачи или формулирование намерения с сохранением соответствующих мотивов деятельности, создание образа или модели нужного действия и возникновение соответствующей программы (плана), которая направляет выбор нужных действий, а также сличение результатов действия с исходным намерением и коррекцию допущенных ошибок. Все эти компоненты сознательной деятельности, пишет А. Р. Лурия, «протекают у человека при ближайшем участии внешней и внутренней речи, которая не только включается в кодирование доходящей до субъекта информации, но позволяет хранить полученный опыт, отвлекаться от непосредственных воздействий и создавать программы поведения, участвуя как в регуляции сознательной деятельности, так и в оценке ее результатов и в коррекции ошибок» [33, с. 74].

Несложно заметить, что 1) в данном случае сознание (или сознательная деятельность — в контексте рассматриваемой работы это фактически одно и то же) уподобляется функционированию кибернетического устройства, состоящего из ряда блоков или механизмов, совместная работа которых обеспечивает прежде всего соответствие результатов плану; 2) если отвлечься от «ближайшего участия» внутренней и внешней речи, а также заменить некоторые выражения, подразумевающие сознательного субъекта, на нейтральные в этом отношении (например, «постановку задачи» на «появление задачи», «создание образа» на «возникновение образа»), то предложенная схема вполне пригодна и для описания поведения животных, причем в достаточно широком диапазоне развития психики. Пример из работы А. Р. Лурия ценен для нас тем, что здесь мы имеем дело не только с кибернетической метафорой, т. е. уподоблением работы сознания функционированию компьютера, но и с нейрометафорой, когда функционирование сознания и его структура более или менее непосредственно уподобляются живой «кибернетической ма-

шине» — мозгу. Как известно, в трудах А. Р. Лурия работа мозга человека характеризуется взаимодействием следующих функциональных блоков: энергетического блока (стволовые структуры, и прежде всего ретикулярная формация), блока приема и обработки информации (затылочные и теменные зоны коры), коммуникативно-когнитивного (речевые зоны левого полушария) и блока управления сложными видами деятельности (лобная кора).

В настоящее время эти идеи стали практически общепринятыми. Необходимо заметить, что по степени выраженности кибернетической метафоричности и концептуальной разработанности идеи А. Р. Лурия опережали сходные идеи зарубежных ученых того времени. В концепции Дж. Альтмана, например, выделяются три нейропсихические структуры и три уровня психической организации (mentation): патическая, иконическая и ноэтическая. В первом случае речь идет об эгоориентированных, субъективных процессах и аффектах, настроениях, эмоциях и страстях. В наиболее ярко выраженных формах патическое сознание проявляется в тех случаях, когда жизни человека угрожает непосредственная опасность либо он испытывает крайние формы фрустрации или депривации. В более мягких формах оно обнаруживается в чувствах симпатии или антипатии. Отсутствие аффективно окрашенных психических состояний, подчеркивает Дж. Альтман, приводит к апатии, чувству отчуждения, умственному ступору, что, впрочем, хорошо известно из психиатрии. Иконическое сознание — это сфера образов, в том числе и сложных образов «потребного будущего» (information about goal objects), которая позволяет организму достигать большей независимости от среды. Ноэтическое сознание использует концепты и символы для достижения еще большей степени независимости от среды. С этими тремя видами психической деятельности Дж. Альтман соотносит три уровня организации мозга, которые, по его мнению, разделяемому и другими нейробиологами, представляют собой следы предшествующих ступеней эволюции ЦНС. Таким образом, нейрометафора в соединении с компьютерной метафорой ложится на определенный материальный фундамент [57].

В работах А. Р. Лурия, а также в трудах Вяч. Вс. Иванова и Ю. М. Лотмана компьютерная метафора соединена с «мозговой». Структура сознания понимается как взаимодействие двух составных частей нейрокомпьютера — мозга, где левое полушарие играет роль дигитального устройства, а правое — аналогового. Их взаимодействие характеризуется как «диалог». Всякое интеллектуальное устройство, способное достаточно гибко отражать действительность и порождать новое знание, должно иметь би- или полилатеральную структуру, образуемую двумя классами механизмов репрезентации действительности. Для одного из них характерно преобладание дискретно-линейного, для другого — гомеоморфно-континуального способа представления мира в сознании. Им соответствуют различные типы знаковых систем: в дискретных языковых системах текст вторичен по отношению к знаку, т. е. отчетливо распадается на знаки; в континуальных языках первичен текст, который не распадается на знаки, а сам является знаком или изоморфен знаку. Кроме того, знаки и тексты первого типа а) имеют условный характер, б) обнаруживают в силу этого тенденцию к автономии от несемiotической реальности и поведения, приобретая смысл от взаимного соотношения между собой (т. е. они контекстно обусловлены), в) их знаковость субъективно осознана и сознательно акцентируется [31, 32].

Каждый из полюсов сознания может быть, указывает Ю. М. Лотман, в свою очередь описан как ряд уровней, находящихся в бинарных оппозициях к соответствующим уровням другого полюса. Тогда возникают такие, например, пары оппозиций: детское сознание — взрослое сознание; мифологическое сознание — историческое сознание; иконическое мышление — словесное мышление; действие — повествование; стихи — проза и т. п. [Там же]. Таким образом, уровни сознания понимаются прежде всего как формы культурно-семиотического осмысления и освоения мира. Все воспринимаемое осознается в силу преломления его через те или иные знаковые системы. Движущим механизмом осмысления выступает внутренняя динамика сознания, организованная таким именно образом.

Разумеется, «диалог» или «общение» между различными *языками* как внутри культуры, так и в структуре сознания личности — всего лишь метафора, вытекающая из более генерализованной компьютерной метафоры. В системе культуры общаются и вступают в диалог (как бы он ни понимался) реальные личности, а не семиотические средства сами по себе. Что касается структуры сознания, то тут дело обстоит сложнее. Вполне очевидно, что сами по себе семиотические средства или, допустим, определенные подструктуры сознания, имеющие генетически различное происхождение, не могут «общаться» или «вступать» друг с другом в диалог. Вместе с тем их взаимодействие очевидно. Кто или что его осуществляет? Осознается ли это взаимодействие? Происходит оно помимо желания личности либо направляется ею вполне сознательно? Думается, что на эти вопросы можно ответить следующим образом. Осуществляя деятельность, неважно, практическую или теоретическую, человек в принципе может использовать ресурсы сознания, все его мыслительные и семиотические механизмы. Очевидно, что в каждом конкретном случае реальное их применение будет ограничено, например, способностями данной личности актуализировать те или иные механизмы.

Сама логика предмета ведет нас к выделению личностного момента в работе сознания. Без него всякого рода «блоки» и семиотические механизмы оказываются довольно безжизненной абстракцией. Что касается положений Ю. М. Лотмана и Вяч. Вс. Иванова о гетерогенности подструктур сознания и его семиотических средств, то они могут быть эксплицированы следующим образом. «Правополушарные», т. е. наглядно-образные, ассоциативные, аффективно окрашенные, компоненты сознания и соответствующие им иконические знаки в значительно меньшей степени поддаются произвольному регулированию, чем «левополушарные», поэтому их творческий потенциал, заключающийся прежде всего в способности генерирования ассоциаций и чувственно представимых образов, может оставаться скрытым от сознания. Отсюда проистекает требование не только теоретической рефлексии над данными формами неявной субъективности, но и учет этого обстоятельства в педагогической практике, а именно: «левополушарный» полюс сознания должен оказаться доступным для выражения с помощью дискретных знаков «правополушарного» полюса.

Важное место в рассуждениях Ю. М. Лотмана занимает идея о гетерогенности сознания. Гетерогенность понимается в контексте оппозиции правополушарное — левополушарное. При этом принимается, что правополушарное сознание имеет более древнее происхождение, чем левополушарное. В целом так оно и есть. Существует достаточно широко известная гипотеза Джейнза [64], согласно которой о возникновении сознания как такового, т. е.

психики, способной к самоактуализации и саморегуляции с помощью достаточно гибкой семиотической системы, можно говорить только с того времени, когда в филогенезе окончательно оформилась асимметрия полушарий. Кроме того, что имеющиеся данные не позволяют уверенно судить о том, когда именно окончательно оформилась асимметрия полушарий, представляется, что опора только на этот признак является не вполне достаточной при обсуждении вопроса о системном параметре гомогенности — гетерогенности сознания.

Если у Вяч. Вс. Иванова и Ю. М. Лотмана мы находим два очень генерализованных блока сознания, то у других авторов их число может возрастать. Так, Б. В. Якушин [56] понимал сознание как сложный комплекс органов-блоков, основными из которых являются долговременная память, включающая иерархию моделей и программ (знания, системы и ситуации образов), оперативная память, содержащая модели, участвующие в текущем процессе переработки информации, и наряду с моделями цели и планы, образующие информационную ситуацию, а также «окно сознания». Под последним понимается решающее устройство, где происходит собственно построение новых моделей, формирование новых связей, принятие решений по выполнению плана задач. Это управляющий орган, направляющий и координирующий работу всех остальных органов. Возможно, замечает Б. В. Якушин, это и есть орган самосознания, поскольку он стоит над всеми другими органами и оценивает их работу.

Важным моментом концепции Л. М. Веккера, выгодно отличающим ее от большинства других, является представление об интеграционных механизмах интеллекта и сознания. Так, в работе интеллекта интегративной функцией обладают концепты. Они, как пишет Л. М. Веккер, доводят до максимума негэнтропный принцип поддержания разноуровневости и разновероятности своих компонентов, становятся матрицей, на которой строится система понятий, а она, в свою очередь, вовлекая в свой состав все концептуальные единицы и подвергая их дальнейшему процессу разведения уровней обобщенности, работает по принципу самоорганизации. Поскольку на концептуальном уровне объектом мыслительного отражения становятся как операции мышления, так и его единицы-операнды, то самоорганизация приобретает свойство осмысленного произвольного регулирования [6, с. 321—322].

Другими интеграторами, обеспечивающими целостность сознания, являются, по Веккеру, сквозные психические процессы: память, внимание, речь [7, с. 199—300]. Память обеспечивает преэминентность работы сознания, а внимание интегрирует текущую его работу. Речь, в силу действия упомянутых выше механизмов межуровневого перевода, способна как к горизонтальной интеграции психических процессов в линейный одномерный ряд, воплощенный в последовательности слуховых, кинестетических или зрительных словесных образов, так и к вертикальной интеграции когнитивных, эмоционально-аффективных структур.

Разумеется, «уровневое» строение психики — это тоже метафора, но в ней сближаются гораздо более существенные моменты, чем, например, в метафоре «свет сознания» (см. ниже). Уровневую организацию сознания мы можем сопоставить с уровневой организацией психических процессов в мозгу, где наиболее древние функции локализованы, как правило, в нижележащих структурах подкорки и коры, а филогенетически более молодые, специфически сапиентные — в тех структурах, которые наслаиваются на первич-

ные. В онтогенезе первыми начинают работать «низшие» уровни мозга и соответствующие им уровни психических процессов и лишь позднее — «высшие», обеспечивающие собственно человеческие формы познания, практика и регуляции.

Идеи Л. М. Веккера об уровнях обобщения и интеграции представляются нам эвристичными. Необходимо отметить все же, что Л. М. Веккер во многом следует традиционной схеме, не включая в свои рассуждения личностный компонент сознания. Вернее, он растворяется у него в «эмоциях», «аффектах» и т. п. Поэтому-то регуляторами и интеграторами сознания выступают все те же *персонифицированные психические функции*.

К. Г. Юнг использует в своих описаниях работы и структуры сознания несколько метафор. Центр сознания, по Юнгу, составляет представление о своей личности (Я-комплекс). Сознание в подлинном смысле являет собой отношение содержания к Я-комплексу или, как он выражается, «эмпирической личности». «Возможно ли сознание без содержания или без Я-комплекса?» — спрашивает Юнг. Ответ его таков: на первый взгляд это кажется невероятным. Но — размышляет он далее, опираясь на свой богатый опыт психиатра и психолога, — на более примитивных ступенях развития психики (у детей, у представителей отсталых народов) Я-комплекс менее важен для работы сознания. Он менее рефлексирован. *Свет сознания* (еще одна метафора Юнга) имеет много степеней, а само сознание у детей и примитивных народов может не представлять собой целостности, не будучи скреплено интегральным Я. Свет сознания, продолжает он, может вспыхивать то тут, то там, в зависимости от того, каковы внешние воздействия или внутренние аффекты. На этой ступени, считает Юнг, сознание носит *островной*, или *архипелагический*, характер. Но и на самых высоких ступенях развития сознание не представляет собой полностью интегрированную целостность. Напротив, оно способно к бесконечному расширению, к нему могут присоединяться «выплывающие из мрака острова, если не целые континенты» [66, S. 51; 67, S. 34]. Исходя из этого, Юнг предлагает опосредовать оппозицию сознания и бессознательного так называемым аппроксимативным сознанием.

Итак, «свет», «выплывающие из мрака острова», «архипелагический характер сознания», «Я-комплекс» как центр сознания. Метафорический характер «света сознания» очевиден, как очевидно и то, что за метафорой стоит реальность.

Математик и культуролог Ю. И. Манин, углубляя метафору К. Г. Юнга (на которого он прямо ссылается) и принимая гипотезу Джейнза, говорит о «сгущающемся сознании». Под этим он понимает следующее. В процессе филогенеза, после окончательного функционального обособления полушарий мозга, появляется тип сознания, который в полной мере заслуживает названия индивидуального: до этого момента оно разделено между индивидуумом и социумом; *собственно* сознание принадлежит обществу, которое регулирует деятельность и речь отдельных людей. «Следы этого состояния, — полагает Ю. И. Манин, — сохраняются очень поздно, вплоть до появления авторского типа литературного творчества» [35, с. 172]. До этого речь не может быть принадлежностью индивидуума. Ее профанные, низшие виды принадлежат племени (племенной язык и есть «человеческий» язык), а сакральная речь, как считали люди того времени, принадлежит богам и лишь передается от поколения к поколению. Впервые человек осознает себя, когда начинает говорить от своего имени. В сознании человека той эпохи звучали голоса,

которые он принимал за речь богов, в действительности же это была неконтролируемая собственная внутренняя речь, индуцированная социумом. Впоследствии, когда устанавливается функциональная асимметрия полушарий, полагает Ю. И. Манин, сознание «сгущается», оно становится упорядоченным, и тогда четко осознается, кому принадлежат мыслительные процессы, речь и т. п.

Как мы видим, сама метафора («сгущение») оказывается уже плодом целой концепции. В связи с метафорами языка описания сознания У. Джеймса, К. Г. Юнга и Ю. И. Манина необходимо отметить следующее. Разумеется, всякого рода «выделения» и «вычленения» из сознания чего бы то ни было основываются на метафорической процедуре: сознание уподобляется некоему телу, предмету, в котором могут быть части. Они находятся (или могут находиться) в движении, соединяются или, наоборот, разъединяются. Либо же сознание уподобляется потоку, в котором, тем не менее, могут быть моменты устойчивости, остановки. Совершенно очевидно, что первична здесь не метафора, а психическая реальность. Да, действительно, сознание, если только нет обморока, комы, глубокого наркоза, невозможно приостановить, оно присутствует всегда, и любое наше суждение о нем есть суждение «из сознания», т. е. выражение метаязыка сознания.

Безусловно, исследования такого рода позволяют нам глубже взглянуть на проблему сознания, но внутренний механизм его функционирования остается недостаточно проясненным. Мы фиксируем, с одной стороны, целостность сознания, которая подразумевает наличие у него свойства непрерывности содержания. В то же время в работе сознания отчетливо проявляются его отдельные стороны, или некая дифференцируемость, возможность выделения из непрерывного сознания определенных дискретных образований. Сознание с этой точки зрения предстает как континуально-дискретное единство, непрерывно переходящее из одного своего состояния в другое.

Следовательно, его необходимо рассматривать как нечто находящееся в постоянном движении и представляющее собой непрерывную смену различных процессов, будь то восприятие, мышление, воспоминание. Здесь можно вспомнить У. Джеймса¹, который представлял сознание как непрерывный поток мыслей, ощущений, восприятий [13]. Широко известно уподобление работы сознания *потоку*. Впервые в философии Нового времени эта идея была высказана Дж. Локком [29; с. 236]. У Гуссерля несомненно позитивным моментом является понимание сознания как *единства* допредикативных и предикативных модусов его реализации. Хотя метафоричность выражения «поток сознания» у Гуссерля очевидна, он все же стремится ее преодолеть, вводя тонкую аналитику актов и состояний сознания [12, с. 135—140]. У. Джеймс, размышляя над природой сознания, отмечает, что такие выражения, как «цепь» (или ряд) психических явлений, не дают нам того представления о сознании, какое мы получаем непосредственно: в сознании нет связей, оно течет непрерывно. Всего естественнее к нему применить метафоры «река» или «поток». Поэтому он при характеристике сознания стремится придерживаться терминов «поток сознания» либо «поток мысли или

¹ В некоторых случаях в русских переводах фамилии этого американского философа и психолога принята транслитерация *В. Джеймс*, в других — *У. Джеймс* (см.: [13, 14]), что создает немалую путаницу. Имеется в виду W. James, брат известного литератора Генри Джеймса.

субъективной жизни». Вместе с тем Джеймс отмечает и моменты дисконтинуитета в работе сознания. Так, анализируя работу памяти, он пишет, что припоминание всегда связано с ощущением некоторого пробела: «У нас может сохраниться ритм забытого слова без соответствующих звуков, составляющих его, или нечто, напоминающее первую букву, первый слог забытого слова, но не вызывающее в памяти всего слова. Всякому знакомо неприятное ощущение пустого размера забытого стиха, который, несмотря на все усилия припоминания, не заполняется словами» [13, с. 64]. В таких случаях, как знает каждый из нас из своего личного опыта, происходит как бы приостановка «потока сознания», его содержание прерывается и требуются усилия и время, чтобы пробел был заполнен.

Иными словами, сознание и его образующие [17—21] должны обладать способностью к постоянной трансформации, при этом оставаясь неизменными как функциональные образования.

Теперь попытаемся описать деятельность сознания на совсем ином языке и посмотрим, может ли он коррелировать с тем, что принято в философии и психологии. При использовании физических понятий на роль таких наполняющих сознание образований подходят волновые гармоничные образования — в теории колебаний их обозначают как моды или гармоники [25]. Моды представляют собой простые гармоничные колебания какой-либо системы, сумма которых дает общий вид колебаний данной системы. Обычно число мод совпадает с числом степеней свободы системы. Например, колебания однородной непрерывной струны представляют собой набор бесконечного числа мод, т. к. в этом случае количество степеней свободы бесконечно. Говоря иначе, каждой форме струны соответствует определенный спектр мод. Если сознание представить как некое непрерывное колеблющееся пространственное образование, то у него также будет наблюдаться бесконечное число гармоник (мод). Таким образом, мы будем наблюдать бесконечное количество различных формообразований единого сознания, которые формируются путем наложения друг на друга более простых образований. Результат такого «волнового» суммирования существенно отличается от чисто механического сложения составляющих сознания. Сознание при этом предстает как находящийся в непрерывном временном развитии единый феномен. Такой подход к функционированию сознания перекликается с воззрениями на сознание Лейбница, который представлял душу человека состоящей из монад и писал, что каждая монада подвержена изменению и что «это изменение в каждой монаде непрерывно» [27, с. 413].

Чтобы начать изучение сознания как континуально-дискретного единства, необходимо обратиться к проблеме осознанного или, другими словами, переведенного в область сознания. Действительно осознанным может являться только то, что отделено от подобных ему элементов и от осознающего субъекта. Вообще, дискретность, расчлененность в той или иной мере присуща всему осознанному [16, 37, 46, 49, 53]. Человек знает что-то достоверно, когда он может отделить объект своего знания от окружающей его обстановки и определить его связи с другими объектами. Обычно считается, что знания достигают осознанности при их вербализации. Здесь возникает множество теоретических проблем, которые не решаются простым указанием на вербализацию. В самом общем виде осознанные содержания сознания можно отнести к уровню, содержание которого описывается с помощью такого языка, в котором в достаточно явной форме используются имена, предикаты и

предложения, причем значительная часть используемых знаков может носить иконический характер. А неосознанные, следовательно, отойдут к континуальной сфере сознания? Говорить так было бы большим упрощением. Как тогда быть с многообразной сферой чувственных восприятий и вторичных образов различной модальности? Тут-то как раз и работают метафоры «точности» сознания и его «архипелагического» характера. Кроме того, следует иметь в виду обширную сферу невербальных компонентов коммуникации. Часть из них вполне ясно осознается и, надо полагать, регулируется соответствующими структурами доминантного полушария, тогда как другая часть регулируется не просто субдоминантным полушарием, но и, по всей видимости, его подкорковыми структурами. В этом случае они представляют собой психофизиологические реакции и гомологии таковым же у антропоидов (во все не обязательно совпадая с ними по форме).

Данный подход наделяет активной деятельностью бессознательные процессы; как писал К. Г. Юнг, «бессознательное лишено состояния покоя, в смысле бездеятельности, и непрерывно занимается группировкой и перегруппировкой своего содержания» [55, с. 136—137]; в нашей трактовке строения сознания такой постоянной трансформации подлежит континуальная область сознания. Поскольку континуальное и дискретное находятся в состоянии постоянного взаимодействия, то логично предположить, что континуальное как более подвижное и творческое «подпитывает» область дискретного и более ясно осознаваемого.

Постулат о том, что сознание можно представить как некое пространство, позволяет сказать, что искривление данного пространства как процесс будет представлять собой деятельность, которую совершает человек при решении той или иной задачи, будь то задача на восприятие или решение какой-либо математической проблемы.

Определим, как с нашей точки зрения возможен процесс восприятия, в частности процесс восприятия образов. Как показано в многочисленной литературе по цифровому распознаванию образов различными электронными устройствами, наиболее удобным представляется разложение изображения предмета в ряд Фурье или совершение Фурье-преобразования (ФП) над изображением предмета, который строится на сетчатке глаза. При таком разложении изображение предмета предстает в виде совокупности волн, которые как раз и могут являться искривлениями пространства сознания. Для того чтобы из этой совокупности волн составить образ предмета, над ней необходимо произвести обратное Фурье-преобразование (ОФП). В общем случае данный процесс определяется в следующем виде: каждый предмет предстает как распределение некоторой физической величины в пространстве (такими величинами могут быть яркость, геометрические размеры, цвет и т. д.). Каждая из этих величин характеризуется распределением некоторой интенсивности или амплитуды в пространстве. Фурье-преобразованию подвергается именно это распределение амплитуды. Иначе говоря, от того или иного распределения амплитуды интенсивности мы переходим к совокупности волн различной частоты, или, другими словами, к распределению по частотам. Получившиеся частоты являются одними из характеристик гармоничных образований, наполняющих сознание. Данные гармоник мы можем назвать *рецепторными гармониками*, т. е. получающимися путем восприятия внешнего мира при помощи рецепторов, и осуществляются они искривлением *рецепторного пространства*, которое является частью пространства сознания. Рецепторные

гармоники мы помещаем в *рецепторном поле*, которое является самой низшей ступенью рецепторного пространства.

Однако предмет, представленный набором таких гармоник, еще не осознан, а находится в сознании как набор мод определенных частот, он как бы растворился в общем пространстве сознания, еще не дифференцировался, не выделился. Для его осознания необходимо как бы **заново построить этот предмет в виде образа в сознании**. Для построения образа частотный спектр подвергается ОФП, т. е. по наличным частотам восстанавливается предмет, точнее, появляется изображение предмета или информация о том, каким должен быть предмет, т. к. вопрос о том, как мы «видим» образы нашего воображения, остается открытым.

Образ будет являться сверткой рецепторного пространства, т. е. выделенным образованием, и только в этом случае он перейдет в возможную для осознания форму. Для более полного представления вышеописанного процесса можно предположить, что после своего образования рецепторные гармоники разделяются по модальностям и переходят в *чувственную ткань*, по А. Н. Леонтьеву. Эту метафору он использовал для объяснения образов различной модальности. Выделяется, по крайней мере, три ее вида: чувственно-кинестетическая, визуально-пространственная и слуховая, все эти три вида содержатся в рецепторном пространстве. Точнее, верхние уровни рецепторного поля дифференцируются, расщепляются на три подуровня чувственной ткани. Свертки чувственной ткани представляют собой образы предметов, находящиеся на еще более высоком уровне рецепторного пространства, который можно назвать областью образов.

Определим теперь, как в свете представленных выше постулатов о строении сознания происходит процесс мышления. Начальные этапы мышления связаны с неосознаваемым уровнем, и мы можем отнести этот уровень к континуальному пространству; человек не может до конца дифференцировать процессы, происходящие с мыслью. Действительно, мы мыслим не словами, а именно мыслями, мыслительными операциями, «движениями ума». Например, Клапаред увидел за мыслью молчание, сказав, что размышление запрещает речь. Математик Ж. Адамар, специально исследовавший процесс творчества великих физиков XX в., это подтвердил: «Что касается слов, то они полностью отсутствуют в моем мозгу до того момента, когда я начинаю сообщать результаты в устной или письменной форме» [1, с. 78]. Мысли как бы перетекают одна в другую, иногда как бы проходят друг сквозь друга не взаимодействуя, иногда усиливая одна другую во много раз, иногда навсегда уничтожая. Со всем этим согласуется взгляд на мышление как на деятельность, активность (П. А. Флоренский, А. Н. Леонтьев, П. Я. Гальперин, А. В. Запорожец, С. Л. Рубинштейн, М. К. Мамардашвили), или же можно (а скорее всего, именно нужно) рассматривать мышление как средство упорядочивания деятельности.

Мышление можно описать как волнение некоей мыслительной ткани, общего мыслительного пространства, которое является частью пространства сознания. Здесь мы опять сталкиваемся с необходимостью использовать метафору. В современной психологии употребляется в этом случае понятие ментального пространства. Мыслью при таком подходе будет являться процесс искривления мыслительного пространства. Мы отдаем себе отчет, что это необычный подход. Но он обладает значительным эвристическим потенциалом. Деформации мыслительного пространства происходят при помощи

осознанного усилия человека, в отличие от гармоник рецепторного пространства, которые появляются в процессе неосознанного восприятия.

При описании образного мышления, т. е. оперирования образами предметов, частью мыслительного пространства может являться определенная выше область образов. В этой области мыслительное и рецепторное пространства пересекаются. При осознанном, внимательном восприятии к гармоникам рецепторного поля присоединяются также гармоники мыслительного пространства. И если рецепторное поле находится в виде сверток, в более или менее статичном состоянии, то **мыслительное пространство постоянно находится в живом, пульсирующем движении**. Оно вызывается к жизни только в момент думанья, мышления и постоянно наполняется новым содержанием, новыми непрерывными гармониками, которые генерирует уже сам человек. Здесь как нельзя лучше подойдет образ потока сознания. И если процесс восприятия дает нам готовые, более или менее статичные результаты в «области образов», то процесс мышления рекомбинирует их, выявляет соотношения и связи между ними. Кривизна мыслительного пространства, точнее, той его части, которая пересекается с областью образов, будет давать как отдельные образы, так и соотношения между образами, а искривление будет формировать данные образы и соотношения, т. е. будет осуществляться процесс мышления, будут строиться различные комбинации образов, что даст материал для нового осмысления реальности. Мы видим, что мышление создает и рекомбинирует образы. Как говорил А. Н. Леонтьев, образы предметов порождаются внутренними мыслительными — бессознательными или сознательными — операциями... иначе говоря, мы не воспринимали бы предметного мира, если бы не мыслили его» [26, с. 61].

Так, при чувственном познании «анализ выражается в выделении какого-нибудь чувственного свойства объекта, до того должным образом не выделявшегося» [28, с. 112]. С нашей точки зрения, здесь происходит вмешательство мышления в рецепторное пространство, вмешательство намеренное, но до конца не осознанное, человек осознает только конечный результат, некую новую модальность свойства, но никак не сам процесс такого выделения. Такая неосознанность проистекает из того, что выделение нового чувственного свойства протекает на уровне обозначенных выше гармоник рецепторного пространства. На данном этапе мышление вмешивается в процесс восприятия, деформируя рецепторные гармоники и не давая им до конца перемешаться, доводя их отдельно до чувственной ткани, где модальности воспринятых характеристик становятся более или менее осознанными. Здесь уже проявляется феномен внимательного, осознанного, анализирующего восприятия.

Синтез на уровне чувственного познания «выступает в виде изменения чувственных элементов, их конфигурации, структуры, формы» [Там же]. Такие операции также возможны при оперировании континуальными образованиями, находящимися в рецепторном пространстве.

Собственно говоря, это не новая тема. Например, в упомянутых работах Л. М. Веккера сознание моделируется как двухуровневая система, в которой мир репрезентирован с помощью двух основных классов отображающих систем. Первая из них — это «язык симультанно-пространственных предметных гештальтов», инвариантно воспроизводящих на соответствующем уровне изоморфизма свойства внешних объектов. Этот язык образов, привязанный к конкретному пространству и времени, именно в силу и меру его

объективности и инвариантности не может быть целиком подвластен непосредственному прямому регулированию. В этой сфере зарождаются непроизвольные, интуитивные, «инсайтные» решения и всякого рода неожиданные усмотрения, «озарения» и «вспышки» творческой мысли. В этой части своей концепции Л. М. Веккер исходит из идей Р. Арнхайма, считавшего образный язык сознания первичным и абсолютно неустранимым [60]. Вторая отображающая система — язык «вторых сигналов», или речевых символов. Мышление и осознание действительности понимаются Веккером в общем виде как межуровневый перевод с языка целостных гештальтов на язык абстрактных символов. Речевые структуры содержат лишь необходимый минимум воспроизведения мысли, предметные структуры симультанно-пространственных образов-гештальтов, отражающие модальность и интенсивность воздействия внешних предметов, здесь предельно редуцированы. Поэтому язык слов не может своими ресурсами обеспечить предметную адекватность и инвариантность воспроизведения мира в сознании. В свою очередь, язык гештальтов не оперативен, им нельзя воспользоваться для внешнего выражения мысли, хотя частично он может выводиться на поверхность, например при создании изображений, иллюстрирующих абстрактные концепты.

Исходя из этих соображений, Л. М. Веккер считает, что качество осознанности достигается только тогда, когда целостный образ-гештальт находит свое адекватное обозначение, а словесному знаку соответствует достаточно точный образ, и наоборот, «нижележащие» образные структуры сознания, будучи интегрированы в его целостную систему, постоянно испытывают влияние концептуальной регуляции, идущей от вершины древовидной иерархической структуры интеллекта к его корням.

Важным моментом концепции Веккера, выгодно отличающим ее от большинства других, является представление об интеграционных механизмах интеллекта и сознания. Так, в работе интеллекта интегративной функцией обладают концепты. Они, как пишет Л. М. Веккер, доводят до максимума негэнтропный принцип поддержания разноуровневости и разноразмерности своих компонентов, становятся матрицей, на которой строится система понятий, а она, в свою очередь, вовлекая в свой состав все концептуальные единицы и подвергая их дальнейшему процессу разведения уровней обобщенности, работает по принципу самоорганизации. Поскольку на концептуальном уровне объектом мыслительного отражения становятся как операции мышления, так и его единицы-операнды, то самоорганизация приобретает свойство осмысленного произвольного регулирования [6, с. 321—322].

Другими интеграторами, обеспечивающими целостность сознания, являются по Веккеру, сквозные психические процессы: память, внимание, речь [7, с. 199—300].

Память обеспечивает преемственность работы сознания, а внимание интегрирует текущую его работу. Речь, в силу действия упомянутых выше механизмов межуровневого перевода, способна как к горизонтальной интеграции психических процессов в линейный одномерный ряд, воплощенный в последовательности слуховых, кинестетических или зрительных словесных образов, так и к вертикальной интеграции когнитивных, эмоционально-аффективных структур.

Разумеется, «уровневое» строение психики — это тоже метафора, но в ней сближаются гораздо более существенные моменты, чем, например, в метафоре «свет сознания». Уровневую организацию сознания мы можем

сопоставить, скажем, с урвневой организацией психических процессов в мозгу, где наиболее древние функции локализованы, как правило, в нижележащих структурах подкорки и коры, а филогенетически более молодые, специфически сапиентные — в тех структурах, которые наслаиваются на первичные. В онтогенезе первыми начинают работать «низшие» уровни мозга и соответствующие им уровни психических процессов и лишь позднее — «высшие», обеспечивающие собственно человеческие формы познания, праксиса и регуляции.

В концепции И. Н. Горелова огромную роль играют обобщенные чувственные образы, выступающие в качестве «функционального базиса речи», а вместе с тем, заметим мы, и любых иных знаков, особенно иконических [9, 10], при этом внешняя речь, по Горелову, не играет существенной роли в работе мышления и сознания. А в серии фундаментальных трудов Н. И. Чуприковой [48, 49, 50] акцент делается именно на управляющую роль речи и инвариантные образы и знания. Противоречие это мнимое: разумеется, образная сфера выступает как функциональная основа речи и мышления, но без управляющей функции речемыслительных процессов сознание дезинтегрируется. Разумеется, не полностью, но все же в значительной степени. Оно теряет качество интенциональности, опять же не в полной степени, так как интенциональность сознания обеспечивается на операциональном уровне не только речью, но сформулированные на уровне функционального базиса речи обобщения не могут стать интерсубъективными и доступными другому сознанию.

Таким образом, говоря, что сознание можно рассматривать как некое постоянно изменяющееся, флуктуирующее пространство, имеющее множество измерений, в котором присутствуют определенные формообразования, взаимодействующие между собой, перетекающие друг в друга, надо иметь в виду, что это а) интегративное образование и б) оно обязательно включает в себя инвариантные образы и знания. Такое описание, в принципе, позволяет представить ментальную реальность в виде некоего целостного непрерывного деяния, которое дробится, дифференцируется, перетекает из одного своего состояния в другое, никогда не остается в статичном положении, всегда развивается. И мышление здесь предстает не только как оперирование словами или понятиями, не только как акты предикации, но и как целостный процесс движения ткани сознания, значений, смыслов и знаков, где есть место образам различной модальности, эмоционально-волевым проявлениям, словесным формулировкам. Более того, при таком подходе и сами предикативные акты, составляющие основу речевого мышления, должны рассматриваться иерархическим образом — начиная от элементарных слов-предложений, характерных для речи детей от года до двух, и кончая самыми сложными формами. В этом смысле идея Л. М. Веккера о речи как интеграторе сознания должна рассматриваться в генетическом аспекте: ранние формы речи не могут быть такого рода интеграторами: они еще слабо связаны с концептуальной сферой. Эта связь диффузна, неопределенна. При диссоциации сознания логико-концептуальные моменты, связанные с речью, опять же отходят на задний план. В. М. Аллахвердов предлагает в этой связи говорить о сенсомоторном сознании, отмечая, что моторные и сенсорные образы «написаны на разных языках» и первоначально «строят свои самостоятельные образы реальности», а затем на их основе строится «еще одно сознание, которое можно назвать вербальным» [2, с. 380]. Если согласиться с В. М. Аллахвердовым, то мы

обладаем тремя видами сознания, но ни одно из них не дает нам возможности осознания действительности, тогда как эмоциональный сигнал «пронизывает все структуры, принимающие решение. Эмоция выступает в качестве непосредственно данного организму критерия эффективности как его физиологического состояния, так и его познавательной деятельности. Неведомо почему, эмоциональный сигнал при этом субъективно переживается» [2, с. 380—381]. Эмоции, по Аллаhverдову, и с этим согласны многие, выступают для организма как критерий успешности и эффективности. Все остальные задачи отходят на задний план. И вот тут-то на сцену выходит Главное Сознание, которое «стремится так управлять мозгом и организмом, чтобы достичь положительных эмоций. Главное сознание (или Разум) вмешивается в управление любыми процессами, протекающими в организме, но предпочитает наиболее безопасную игру — оно имитирует познавательную деятельность» [Там же]. Соответственно, целью его деятельности является не адекватное отражение или приспособление к среде, а получение положительных эмоций. Итак, сознаний несколько, главная задача — получение положительных эмоций. Отсюда, вероятно, и употребление психотропных веществ? Пять сознаний — очень яркий образ. Можно сюда добавить когнитивное, языковое сознание. И тогда, как выражается наш автор, возникает «картезианский театр» — в том, очевидно, смысле, что все остальные виды сознания, названные в цитируемой статье, — это порождение Телесной Субстанции, а Главное Сознание — это и есть Разум. Ясно, что от Декарта и Спинозы мы ушли совсем недалеко, если вообще три с половиной века развития науки и философии дали какое-то приращение знания.

Выше мы рассмотрели некоторые метафоры описания языка сознания; все они могут быть отнесены к так называемым базисным метафорам. Базисные метафоры, как указывает Н. Д. Арутюнова, не просто определяют наше представление о конкретном объекте или частной категории объектов, но формируют определенный способ мышления о мире или о его фундаментальной части [3, с. 296]. В рассмотренных выше метафорах в каждом случае неявно задается тот или иной способ мышления, по крайней мере о некоторой фундаментальной части мира — сознании.

Следует также отметить, что практически все метафоры сознания представляют собой заимствования «чужих» понятий или образов. Причем заимствования не только из иных научных дисциплин, но и из других областей или стилей мышления. «В этом случае, — замечает автор глубокого исследования о роли метафоры в социальном познании, — в структуру интеллектуального действия включается ориентация на ту теорию или концепцию, откуда заимствуется категория» [11, с. 267]. Совершенно очевиден следующий аспект, точно обрисованный Л. Д. Гудковым: заимствование понятий из каких-либо концепций означает, что «эти концепции в каком-то отношении авторитетны для говорящего; их “цитирование” является замещением критериев удовлетворительности или достаточности произведенных операций и действий. Метафорическое предъявление понятий есть выражение символической солидарности или референции к данной группе, перекладывание на нее ответственности за корректность и валидность обозначенных соответствующей метафорой процедурных действий» [Там же].

Дело, разумеется, не ограничивается «выражением символической солидарности». *Метафору необходимо рассматривать как семантический модальный оператор осуществляемых категориальных синтезов.* Есте-

ственно, очень легко ввести в любой текст с использованием метафоры оператор «как если бы». В таком случае синтезированные с помощью того понятия, которое выступает в качестве *tertium comparationis*, смысловые образы обесцениваются. Не может же, действительно, сознание состоять из «блоков» или представлять собой «поток» или, положим, «поступок». И тем не менее, как совершенно верно отмечает Л. Д. Гудков [11, с. 259], очевидность получаемых положений столь важна, что мы сплошь и рядом задаем такую позицию, при которой образ, вводимый с помощью метафоры, представляется нам наглядным и самоочевидным, и таким образом проводим рассуждение и обоснование.

Здесь необходимо особо подчеркнуть момент наглядности и чувственной достоверности того знания, которое дает метафора, а также особый характер сочетания ценностных и понятийных значений. Как отмечал И. Кант в «Критике чистого разума», без чувственности ни один предмет не был бы нам дан, а без рассудка ни один нельзя было бы мыслить. С этой точки зрения научная метафора представляет собой средство, позволяющее, не покидая среду привычного для ученого научного дискурса, обеспечить обращение к чувственности. Тем самым абстрактное содержание оказывается связанным с наглядным образом, а он, в свою очередь, несет в себе дополнительное, образное значение, так или иначе структурирующее видение предмета.

Разумеется, метафорические описания включают в себя оператор «как если бы» и тем самым создают возможность отстройки от действительности и производства текстов, неомогенных в концептуальном отношении. Особенно ясно это становится тогда, когда к метафорам, описывающим явления с точки зрения их «конструкции», добавляются рассуждения каузального характера, т. е. такие, в которых выдвигаются гипотезы о происхождении данного явления.

Обратимся еще раз к текстам К. Г. Юнга. Содержанием бессознательного в трактовке Юнга, как известно, являются архетипы. В одной из своих работ он употребляет такие «строительные» метафоры: *архетипы* — «это, так сказать, скрытые в глубине *фундаменты* сознательной души... ее *корни, опущенные* не просто *в землю*, в узком смысле этого слова, но и в мир в целом», «...системы установок, являющиеся одновременно и образами и эмоциями. Они передаются по наследству вместе со структурой мозга, более того, они являются ее психическим аспектом. <...> В сущности, они представляют собой, если так можно выразиться, *хтоническую* часть души, то есть ту ее часть, через которую душа связана с природой, или, по крайней мере, в которой связь души с землей и миром наиболее заметна. Влияние земли и ее законов на душу проявляется в этих первообразах, пожалуй, особенно отчетливо» (курсив наш. — П. К., А. П.). Но так как, по признанию самого Юнга, «архетип и его функцию скорее следует понимать как часть доисторической, иррациональной психологии, а не как рационально продуманную систему» [55, с. 136—137], то, естественно, наиболее удобным способом визуализации этой мысли, придания ей эвидентности выступает опять же метафора. «Душа» человека, т. е. его психика, предстает как здание, верхний этаж которого был сооружен в XIX столетии, первый этаж датируется XVI веком, а в глубине под каменной кладкой и подвалом обнаруживаются доисторические следы. Однако нижние этажи — это не только некое основание. Они реально живут в каждом из нас и время от времени проявляют себя, пишет Юнг [55, с. 137]. Не вдаваясь здесь в рассмотрение проблемы коллективного бессозна-

тельного, следует отметить, что мифопоэтический в своей сущности текст Юнга включает в себя вполне рационалистическую гипотезу о наследовании архетипических образов, а также механизмов «сгущения» сознания. При этом принципиальные вопросы о том, какова природа этого наследования, почему, если следовать Юнгу, сознание первобытного человека носило спорадический характер и в силу каких обстоятельств то же самое мы наблюдаем у ребенка, остаются без ответа. Даже если принять генетическую детерминированность архетипов, все равно механизм их актуализации будет не ясен.

Таким образом, мы видим, что в текстах К. Г. Юнга наряду с богатой метафорикой структурного характера выдвигаются гипотезы о *причинах* наблюдаемых явлений. В данном случае, как, впрочем, и у многих других представителей глубинной психологии, метафорика решительно преобладает над рефлексивными научными процедурами.

Следует ли стремиться к полному устранению метафорических описаний из теории сознания? Нам думается, что на современном этапе наших представлений о природе сознания это невозможно. Нельзя не согласиться с мнением Л. Д. Гудкова, что метафорические образования с методологической точки зрения являются «структурами трансцендентального соединения различных теоретических систем, концептуальными переходами, соединениями разнотипных понятий с различной степенью генерализации и номинации, потенциалом ценностного проецирования» [55, с. 274]. Особо выделим следующий момент: метафорические структуры возникают в результате гипостазирования понятия (или концептуального блока понятий), наделения понятий не гипотетическим, а онтологическим статусом. Разумеется, такая операция таит в себе немало методологических опасностей. Сам Л. Д. Гудков полагает, что ослабление или исчезновение *предметного видения* в дисциплине означает, что задаваемые метафорой или другим герменевтическим каноном отношения соотнесения различных контекстов или систем объяснения обнаружили свою *фикциональную* природу. Утратив прежний характер нормативного определения реальности, они превратились в методический регулятив. В этих случаях выбор конкретного контекста соотнесения перешел от академической группы к самому исследованию. А это значит, что «истинностные предикаты стали связываться с методологией, а не с содержательным знанием. Тем самым меняются функции знания. Исследование в этих случаях — это уже не оценка или толкование реальности, а ее объяснение *в категориях общей теоретической системы координат...*» [55, с. 275] (курсив наш. — П. К., А. П.).

Исследование — это *всегда* объяснение реальности в той или иной системе координат (опять метафора). Другое дело, что существует постоянное взаимопроникновение «методологии» и «содержательного знания». По крайней мере, в гуманитарных науках «содержательное знание» всегда функционирует на основе той или иной методологии, хотя, разумеется, последняя неизбежно меняется в ходе прогресса знания. Опасность состоит не в этом, а в отмеченном Л. Д. Гудковым моменте функциональности метафорического объяснения, возникающего в результате одностороннего преувеличения значения той или иной стороны работы сознания или тех или иных его механизмов. Как раз это гипостазирование чаще всего и не осознается исследователями, что ведет к односторонности и потере способности к понятийной децентрации, смене точки зрения.

Другой, релевантный именно в контексте рассматриваемой проблемы аспект состоит в следующем. Поскольку мы не в состоянии избавиться от метафорического модуса описания работы сознания, можно поразмышлять над тем, какие из метафор являются более эвристичными, позволяют глубже проникнуть в суть исследуемого явления.

Однако прежде чем мы произведем оценку metaphors of mind с данной точки зрения, есть смысл обратиться к опыту феноменологической философии, прежде всего к тому специфическому инструментарию, который выработан в рамках этого метода для анализа сознания. Нас интересует, как мы уже отмечали [38, с. 364—367], специфическая техника выявления различий и оппозиций, последовательного вскрытия слоев сознания и обнаружения в нем того, что можно отнести к опыту самого сознания.

Основу этого подхода образует достаточно простая идея: сознание в целом тождественно изначальному опыту человека; от него невозможно отстраниться, дистанцироваться в силу его непространственности [36, с. 23] (но, добавим, можно дистанцироваться от вещей, явлений и даже образов, всплывающих в сознании, — именно в силу пространственности Мира вокруг нас и благодаря тому, вероятно, что чувственные образы несут на себе пространственно-временную маркировку). Однако будучи (особенно на первых этапах своего развития) тождественно изначальному опыту человека, сознание не остается неизменным, оно способно к развитию, дифференциации. С известной долей эвристического упрощения можно сказать, что развитие сознания и есть обретение опыта *различий*. Мы полностью согласны с В. И. Молчановым в том, что в любом модусе сознания действует целостностная структура опыта: различие — синтез — идентификация, причем опыт различий первичен и благодаря ему синтез и идентификация также становятся опытом [36, с. 24].

Вместе с тем, как мы уже отмечали ранее [38, с. 364], важно выбрать из множества возможностей те виды дистинкций, которые можно использовать для наших целей, т. е. для генетически ориентированного анализа сознания. Кроме того, выделяемые нами параметры должны согласовываться с эмпирическим материалом.

Поскольку В. И. Молчановым проделана (с опорой на идеи Э. Гуссерля) в этом направлении определенная классификаторская работа, мы можем воспользоваться некоторыми ее результатами, адаптируя и изменяя их.

Начальный опыт сознания имеет в своей основе многообразие первичных различий, на базе которых формируются, в свою очередь, более сложные механизмы сознания. К первичному опыту сознания принадлежат различения базовых моментов: прикосновения, вкуса, света, цвета, запаха, различения в ощущениях временных («теперь», «только что», «еще нет»). На этой основе формируются не различения пространственных форм, как полагает В. И. Молчанов, а именно то, что он называет «первичными реакциями»: различение светлого и темного, горячего и холодного, тяжелого и легкого, сухого и влажного и т. п. Все это можно соотнести с «чувственной тканью» сознания.

Все эти различия (дистинкции) формируются в онтогенезе на его доречевой стадии. Затем, однако, образующиеся семиотические функции и на их основе вербальная сеть, которая сама есть в огромной степени результат интерсубъективно осуществленных дистинкций, позволяет не только проводить все более тонкие различения, но и делать это произвольно, сознательно, в

соответствии с социально выработанными эталонами и образцами. И лишь благодаря включению интересубъективных моментов, рождающихся не из «глубин сознания», а из социального взаимодействия, появляются различия «основных модусов сознания вне рефлексии»: восприятия, памяти, внимания, воображения. В. И. Молчанов полагает, что в этом ряду должны быть названы «сомнение», «предположение» и тому подобные состояния.

В этой связи нам представляется принципиальным следующее: нереклексивное различие эмоциональных состояний качественно отличается от таких модусов сознания, как сомнение, вера, предположение, удивление, надежда, гордость, раскаяние, огорчение, презрение, уважение и т. п. Они обычно включают в себя рефлексивный момент, хотя он часто выражен не вполне отчетливо. Дж. Серль относит такого рода модусы сознания к числу так называемых «интенциональных состояний» [43, с. 96—98]. Правда, признаки этих состояний не сформулированы им сколько-нибудь последовательно. Эвристичными, однако, являются его наблюдения, что многие переживаемые нами «осознанные состояния» не направлены на какой-либо предмет, но мы, по крайней мере *в принципе*, способны его так или иначе концептуализировать. Например, переживая определенное состояние, человек может сказать: «Мне грустно», «Я доволен» и т. п. В то же время человек может быть уверенным во множестве вещей, никогда не заостряя на них внимания, не размышляя специально о них до тех пор, пока в этом не возникнет необходимость. Совершенно очевидно, что нереклексивное различие эмоциональных состояний существенно отличается от «интенциональных состояний» — последние могут быть выражены с помощью речевого акта, быть включены в пропозициональную мыслительную структуру. Это, в свою очередь, ведет к дальнейшему расчленению ментального состояния, к повышению степени его рефлексивности и т. п.

Первая группа дистинкций лежит в основе того, что в дальнейшем мы будем называть *паракогнитивным* уровнем сознания. Основной признак здесь — неразделенность, несформированность механизмов выражения смысла. Паракогнитивный уровень выступает в качестве *функционального базиса* для следующего этапа, на котором происходит конструирование смысла. В своем чистом виде этот уровень не может быть *словесно оформлен*. Более того — он не может быть выражен и в других знаках. Прежде всего потому, что здесь — если строго следовать логике феноменологического описания — еще не произошло конституирования смысловых актов сознания. Возникновение такого рода актов — поистине ключевой момент в онто- и филогенетическом развитии сознания. Формирование смысловых актов сознания начинается еще на довербальной ступени и в когнитивном отношении опирается в первую очередь на различие актов сознания (восприятия, памяти, мышления) или состояния сознания (желания, отвращения, влечения и т. п.), с одной стороны, и знака (знаковой системы, пусть и самого примитивного вида) — с другой. Приобретая опыт когнитивно-коммуникативных актов, сознание оказывается в состоянии различать, если говорить несколько упрощенно, план содержания и план выражения. Поскольку здесь все же речь идет о нереклексивных или слаборефлексивных процессах, то различия смысла и предмета, смысла и образа укладываются в дифференциацию плана выражения и плана содержания, которая для обыденного сознания предстает как *отделение смысла от знака*. Всякого рода тонкие дистинкции в этой сфере, как то: понимание осуществленного и неосуществленного смысла приме-

нительно к семиотическому акту, интенции и реальному осуществлению, различие типов знаков по отношению к тому содержанию, которое они должны передавать, размежевание между тем, что считается принадлежащим объективному миру, и тем, что относится к сознанию, установление корреляций содержания и формы [4, с. 81] и подобные более сложные семантические отношения — относятся уже к рефлексивному опыту.

Структура этого уровня дистинкций в нашей трактовке значительно отличается от предложенной В. И. Молчановым. У него эта группа дистинкций начинается с различия *длительности, последовательности, одновременно-сти*. Нет сомнений в том, что формирование мыслящего сознания (*Denkbewußtsein* Гуссерля) опирается в огромной степени на способность проводить указанные различия, как и в том, что в целом они начинают формироваться *до* появления того, что можно отнести к смыслопорождающей сфере сознания. Последняя же берет свое начало, по нашему мнению (причем мы должны помнить, что имеется в виду не психологический или психолингвистический, а именно феноменологический анализ), с различия *предмета* и его *функции* и лишь затем — *предмета* и его *целостного инвариантного образа*. Далее следует различие предмета и его значения, образа и его значения, значения и интенции на означение, на совершение неких *acts of meaning*, различие значения и знака, знакового выражения, его возможностей и т. п., различие безусловного, абсолютного, «естественного», с одной стороны, и конвенционального, относительного — с другой.

Различие конвенционального и безусловного В. И. Молчанов помещает на достаточно продвинутый этап своей классификации — среди дистинкций рефлексивного опыта, сразу вслед за дифференциацией *бодрствующего сознания и сновидения*. Совершенно очевидно, что различие бодрствующего и любого вида измененного состояния сознания, включая сновидческое сознание, достаточно элементарно. Разумеется, оно требует определенной степени рефлексии и интерсубъективности, так же как и различие конвенционального и «натурального». Но все же различие сна и бодрствования следует поместить на шкале первичности — вторичности много ниже, вместе с нерелексивным различием эмоциональных состояний и нерелексивным же переходом от одного акта сознания к другому («сменой настроений»), тогда как дистинкции натурального и конвенционального не только относятся к этапу конструирования смысла, но завершают эту группу различий — как логически, так и генетически. Сюда же относится, по нашим представлениям, различие прямого и переносного смыслов.

Что касается рефлексивного уровня сознания и тех различий, с помощью которых мы можем описать его, то наиболее существенным, решающим выступает следующее: способность отличать, фиксировать, делать предметом размышления и сообщения некоторый модус сознания и некоторое его содержание и само осознание этого модуса и содержания. Все остальное, что выделяет в этой связи В. И. Молчанов, используя идеи и терминологию классической феноменологии (различие форм осознания времени и времени сознания как потока различий, различие актуального и потенциального горизонта сознания, дескрипции и конструирования, различие собственного опыта и опыта иного сознания), не представляется нам принципиальным. Более того, в этой связи вполне уместно задать вопрос о том, почему не используются, например, идеи поздней феноменологии о «конструировании жизненного мира» (Э. Гуссерль и развивавшие его идеи В. Шюц, Т. Лукманн,

П. Бергер, Б. Вальденфельс и др.). В феноменологии «жизненного мира», особенно в ее наиболее позднем варианте, содержащемся в «Структурах жизненного мира» А. Шюца и Т. Лукманна [68], также достаточно последовательно проводится различие между рефлексивными и нерефлексивными уровнями сознания. Причем, как мы имели уже возможность отметить, рефлексивность сознания и опыта в целом они связывают с языковой объективизацией.

Здесь необходимо сделать некоторые уточнения. Нет никакого сомнения в том, что всё так или иначе рефлексированное в сознании — это всегда в большей или меньшей мере вербализованное. В определенной степени справедливо и обратное: значительная часть вербализованных содержаний сознания может быть отнесена к числу рефлексированных. Мы опять сталкиваемся с парадоксальностью устройства сознания: с одной стороны, некоторые ментальные содержания, находящиеся в относительно светлой точке сознания, облекаются в знаки, понятные не только индивидууму, но и социуму; в то же время глубинные мотивации, порождающие данное речевое высказывание, не даны субъекту, пусть он даже и специально рефлектирует над этим предметом. Или же мы имеем несколько иную ситуацию: при обмене репликами диалога время, отведенное на «рефлексию», подчас крайне незначительно, поэтому возможности рефлексии ограничены.

Парадоксальность сознания с точки зрения соотношения в нем рефлексированных и нерефлексированных моментов была отмечена достаточно давно. Один из наиболее тонких исследователей этого вопроса писал в 1810 г.: «...так как эта рефлексия, которая должна происходить в том же сознании, есть состояние совершенно отличное от внешнего восприятия, *отчасти даже противоположное ему* — что частью всем известно, частью становится очевидным с первого взгляда, — то иным может показаться странным, как возможны в одном и том же сознании противоположные состояния» [45, с. 629] (курсив наш. — П. К., А. П.). В рационалистической теории И. Г. Фихте, являющейся одним из наиболее ярких выражений той «фаустовской картины души», о которой писал О. Шпенглер, «неизменное и прочное бытие свободы, которое и есть именно сознание, производится свободным актом» [45, с. 633]. Этот акт, продолжает Фихте, является в сознании прежде всего *напряжением и сосредоточением*. Далее он рассматривает различные ступени построения образа, которые им мыслятся как результат действия «свободной созидательной силы» по отношению к чувственным качествам. Нам нет нужды подробно рассматривать аргументацию Фихте. Для наших целей важно отметить, что, опираясь на субъективно-идеалистическое представление о сознании как активном начале, он приходит к некоторым, как мы полагаем, эвристическим соображениям. Во-первых, совершенно правильна его мысль, что самосознание включает в себя в качестве важного момента «знание о знании», а вслед за ним и одновременно с ним («в один нераздельный момент жизни», говорит Фихте) появляется знание принципа. Освобождаясь от давления непосредственной чувственности, «сознание Я переходит от рефлексии о знании к принципу, и они, неразрывно соединяясь в состоянии рефлексии, образуют единое» [45, с. 636]. Весьма поучителен в данном случае пример Фихте, с помощью которого он показывает данную трансформацию сознания. Сравнивая восприятие растения ребенком и взрослым натуралистом, он отмечает, что ребенок не может не видеть растение, если он бодрствует и растение попало в поле его восприятия, тогда как взрослый человек

может и не видеть растение, хотя оно в поле его зрения, «ибо в это время он может заполнить свое сознание свободным построением образов и размышлением. Если же он решит видеть растение и наблюдать его, то для этого он должен будет оторваться от этого свободного хода мыслей и, может быть с усилием, подавить стремление фантазировать; он сосредоточивается, чтобы воспринимать, в чем не имеет нужды ребенок, у которого рассеяние невозможно...» [45, с. 637].

Во-вторых, надо особо выделить следующую мысль (несколько затуманенную у Фихте специфической терминологией): претерпевая развитие, сознание все больше становится свободно действующим началом. «Раньше, — пишет Фихте, — его причинность вытекала просто из его бытия, теперь в нем может что-то возникнуть только собственным свободным актом» [45, с. 676]. Разумеется, активность сознания у Фихте преувеличена, но в чем он прав, так это в том, что сознание включает в себя в качестве необходимого момента освобождение от напора чувственных впечатлений, вначале довольно несистематизированных, и развитие творческой активности сознания — как в плане построения новых образов («свободное построение образов в размышлении»), так и в более общем смысле — как способности сосредоточиваться на некотором содержании, отбрасывая, отделяя от себя то, что мешает его работе (см. выше). В-третьих, абсолютно верной является мысль Фихте о том, что, развиваясь, сознание «уже не может опуститься до первого состояния после того, как оно над ним возвысилось» [45, с. 676]. Правда, поскольку непосредственно-чувственная ступень развития сознания трактуется Фихте крайне абстрактно, то оказывается, что «хотя сознание освободилось от первого состояния, оно все же может свободно в него возвращаться. Оно может себя *делать* таким сознанием, причинность которого заключается только в его бытии. Это возвращение известно всякому под именем внимания. К первому бытию, которое продолжает существовать, не поглощая всецело бытия сознания, прибавилось второе, властвующее над первым. Это второе, раз появившись, не может быть уничтожено, но оно свободно может снова отдаваться первому» [45, с. 636—637]. Разумеется с «возвращением» к генетически более ранним состояниям все обстоит не так просто. Недаром в наше время достаточно широко используются различного рода психологические техники, с помощью которых иногда удается снять зажимы, накладывающиеся на наше сознание в процессе его развития. Но в чем Фихте безусловно прав, так это в том, что появление в сознании рефлексивного слоя (уровня, механизма и т. д.) вносит в него новое качество. То, что обобщенно называется рефлексией, есть нечто, достаточно успешно задерживающее «поток причинности, и тогда жизнь становится принципом благодаря возможности свободного акта» [45, с. 636—637]. Иными словами, сознание перестраивается таким образом, что внешние воздействия, «ощущения», та, как говорил сам Фихте, противоположная деятельность не-Я, которая его неукоснительно теснит, будет отмыслена прочь и от него отвлечена. Формирование рефлексивного слоя, следовательно, должно рассматриваться, с одной стороны, как овладение особой техникой саморегуляции сознания и соответствующим инструментарием, а с другой — как достижение качественно нового состояния сознания. Это новое качество проявляется в следующих моментах:

1. Сознание становится «самоуправляемым», появляется не просто качество произвольности — возникает то, что называется *актами* сознания:

способность прерывать целостность потока сознания и выделять в нем те элементы, которые необходимы для решения конкретной задачи. Гуссерль называл это двойной интенциональностью потока сознания [12, с. 135—140]. Нам же представляется, что следует говорить о двойной интенциональности сознания, о возникновении оппозиции *поток сознания — акты сознания*.

2. Сознание приобретает более устойчивый характер — те самые «острова», которые, по Юнгу, составляют «архипелаг» сознания, не только во все возрастающем количестве «выплывают из тьмы», но и приобретают, если расширить метафору Юнга, все большую позиционную *устойчивость* относительно друг друга, что и является одной из причин нашей неспособности возвратиться к генетически и гносеологически более раннему состоянию сознания и, по всей очевидности, к творческим решениям. «Острова» соединяются в «архипелаги» и «континенты», но тем самым теряется значительная доля подвижности, уменьшается способность к произвольному комбинированию элементов и получению нетривиальных результатов. Здесь мы можем выделить оппозицию следующего рода: частичное сознание — целостное сознание. Разумеется, эта дихотомия относится не только к процессу онто- и филогенетического развития. Вне всякого сомнения, и у взрослого человека, особенно в так называемых измененных состояниях сознания (алкогольное и наркотическое опьянение, сильная физическая и психическая усталость, состояния при пробуждении и засыпании), сознание может диссоциировать, из него «выпадают» отдельные участки, смысловые единицы, ограничивается сенсорное поле, снижается способность к произвольным актам сознания. У М. Шелера есть весьма точное суждение: «Животное и слышит и видит — не зная, что оно слышит и видит; чтобы отчасти погрузиться в нормальное состояние животного, надо вспомнить о весьма редких *экстатических* состояниях человека — мы встречаемся с ними в состоянии выхода из гипноза, при приеме определенных наркотиков, далее при наличии определенной техники деактивации духа, например при всякого рода органистических культах» [52, с. 156].

3. На ступени рефлексии сознание становится подлинно опосредованным. Эта опосредованность по меньшей мере двухуровневая:

1) опосредованность сознания результатами предыдущей его работы в виде сенсорных эталонов, операций с ними, обобщений различного уровня, так или иначе связанных со знаками и действиями с ними (включая операции выводного характера);

2) опосредованность теми общественными связями, которые в «снятом» виде проникли через коммуникацию и предметную деятельность в сознание. Можно говорить, в свою очередь, о трех формах, в которые отливается этот последний тип опосредования. На социально-психологическом уровне возникает разделение «Я» — «Другой». На начальных этапах этого развития субъект представлен в виде спонтанного чувства «Я», которому противопоставлено крайне диффузное «Ты».

В дальнейшем происходит дифференциация «Я» и «Ты». Как бы ни трактовался этот «Другой» — как *generalized other* (т. е. обобщенный носитель социальных значений) у Дж. Г. Мида, или как потенциальная бесконечность у Э. Левинаса, предполагающая «силу встречи, дара, гостеприимства, полных рук», или как полное конфликтов «бытие для другого» Ж.-П. Сартра, или как универсальный диалог Ф. М. Достоевского и диалогическое сознание в трактовке М. М. Бахтина [5, с. 282], или как иерархия форм «Ты», соотне-

сение с которой и рождает «Я» (Л. Фейербах, М. Бубер, Т. Литт, Ф. Эбнер), или как достаточно абстрактная трактовка Гегелем механизма перехода от Бытия-для-себя к Бытию-для-других, — в любом случае мы видим, что «другое сознание» в истинно диалектическом смысле сомкнуто с нашим сознанием, проникает в него, так же как наше сознание проникает в сознание других людей, образуя поле интерсубъективности;

3) опосредованность сознания его психобиологическим фундаментом в виде *функциональных мозговых органов* (А. А. Ухтомский, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, П. К. Анохин, Л. С. Цветкова), представляющих собой прижизненно образующиеся ансамбли корковых зон и подкорковых структур. Они формируются в деятельности, опосредованной общением, морфологически и функционально выступая ее мозговым фундаментом [33, с. 209—302; 8; 51]. Разумеется, мозговые функциональные органы начинают складываться еще до того, как появляется рефлексивный уровень сознательной деятельности. Однако их окончательное конституирование происходит тогда, когда в их состав включается (опять же морфологически и функционально) работа генетически наиболее молодых структур мозга — префронтальных его отделов. Не вдаваясь здесь в нейропсихологические тонкости, отметим, что функциональные мозговые органы можно рассматривать в качестве психобиологического субстрата высших психических функций: перцепции, мышления, внимания, памяти, произвольной предметной деятельности, речи. Собственно говоря, этот факт давно известен. Для нас важно подчеркнуть иное: высшие психические функции выступают в качестве *функциональных органов сознания*. Они не возникают в онтогенезе автоматически, «сами по себе», их становление предполагает включение целостного человека в процесс социализации. И социальные воздействия во всем их многообразии выступают как то начало, которое организует отдельные локусы мозга в ансамбль взаимосвязанных психических функций. Впоследствии они обретают устойчивость, даже ригидность, особенно после того, как закончится физиологическое созревание мозга, коррелированное с общим психофизиологическим созреванием организма.

Вернемся теперь к общей модели сознания. Как мы отмечали выше и как это неоднократно фиксировалось в *серьезной* литературе, посвященной данному вопросу, «несмотря на то, что во многих философских и психологических трудах сознание формально трактуется как *концептуальный монолит*, прямые утверждения о его однородности весьма редки. Это, вероятно, является следствием очевидной полиморфности феномена, обозначаемого словом “сознание”» [53, с. 660] (курсив наш. — П. К., А. П.).

До сих пор наш анализ шел на двух уровнях, которые невольно пересеклись. На первом уровне мы выявили особенности языка описания «концептуального монолита» сознания и показали, что принципиальная недизъюнктивность сознания — как в структурном, так и в функциональном отношении — выдвигает метафоры на первый план в качестве семантических средств описания сознания. Разумеется, когда речь идет об употреблении метафоры, то ее создание и понимание «есть результат творческого усилия: оно... мало подчинено правилам» [15, с. 173]. Одновременно метафора при должном употреблении способна высветить не только существенные аспекты изучаемого предмета, но и такие его аспекты, которые не поддаются обозначению иными средствами. Не нужно лишь забывать о семантической двойственности метафоры.

На втором уровне мы пытались отойти от метафорического способа описания и рассматривать сознание «как оно есть», феноменологически. Несложно заметить, что и в первом и во втором случае нам приходилось обращаться не только к «объективным» данным (т. е. полученным кем-то ранее в эксперименте и наблюдении), но и к интроспекции.

Попытаемся дать некоторый синтез — не только языков описания, но и идей.

Что бы мы ни говорили о феноменологии сознания, о его образующих, вводя тем более представления о его «сгущении», «архипелагическом характере» и т. п., мы должны отдавать себе отчет, что все эти образующие и «острова» превращаются в ничто, если отсутствует *личностный центр сознания*. Так, кстати, и бывает при тяжелых психических расстройствах, затрагивающих личностные инстанции. «Острова», т. е. кусочки осмысленного опыта, скрываются во тьме, «архипелаг» сознания диссоциирует. У маленьких детей, у которых становление личности еще не закончилось, мы видим неспособность удерживать образующие сознания таким образом, чтобы был возможен, как говорили философы-классики, «акт творческого воображения».

Если принять существование личностного центра сознания, того далее нередуцируемого стержня, который крепит всю конструкцию сознания, то многие проблемы, обсуждавшиеся нами выше, предстают в ином свете. Разумеется, личностный центр сознания должен рассматриваться в аспекте материалистической антропологии. Нет никаких оснований не соглашаться в самом общем смысле с Фихте, когда он характеризует сознание как «самостоятельное бытие свободы» [45, с. 663], но при этом мы должны иметь в виду, что эта свобода не дается априорно: она есть результат не только длительного развития в онто- и филогенезе, но и постоянных усилий в повседневном бытии.

Тем не менее, включая представление о личностном центре, мы можем легко избегать формулировок об активности сознания, о его направленности (равно как и еще более сомнительных формулировок об активности, направленности или интенциональности языка либо иных знаковых систем). Активностью, направленностью, интенциональностью, избирательностью, способностью оценки, осмысления, понимания и прочим обладает, разумеется, не сознание как таковое, а человек, наделенный сознанием. И это, естественно, не некий абстрактный человек, тем более не физическое тело, а личность, всегда соотносенная с другими личностями. Способность быть направленным на нечто иное, быть соотносенным с другими людьми, обладать уверенностью в собственном бытии покоится на мощном психобиологическом фундаменте, и если он дефектен изначально либо разрушился позднее, то сознание в подлинном смысле невозможно. Особенно это относится как раз к тем механизмам, которые обеспечивают связь с «другим Я».

Если немного упростить дело, то личностный центр сознания близок «Я-концепции» Р. Бернса. Однако в реальном функционировании сознания многие компоненты, выделенные Р. Бернсом (например так называемое «зеркальное Я» — представление о том, как меня воспринимают люди, «идеальное Я» — представление о том, каким я хотел бы быть, и т. п.), отнюдь не обязательно должны быть представлены. Мы полагаем, что минимальный набор компонентов, причем данный нам самим так, что мы в состоянии рефлексивно отделять их друг от друга в нашем собственном сознании, склады-

вается из диалектического взаимодействия сознающего Я (Я как процесс) и Я, обладающего содержанием (Я как объект). Из этого, в свою очередь, вытекает Я как самооценка (в соотношении с другими Я) и действующее Я (тот момент, который переживается нами как «воля», «интенция» и пр.).

Соответственно, интеграторами сознания выступают не память, внимание, интеллект, речь сами по себе, но личностный центр сознания, а перечисленные выше психические функции выполняют инструментальную роль, будучи глубоко пронизаны личностным моментом.

Личностный центр сознания всегда соотносен с другими Я, поэтому 1) он не есть нечто первичное, исходное (как, например, у Фихте), но возникает в процессе социального взаимодействия; следовательно, он 2) коммуникативен. Правда, внутренняя коммуникативность Я не вытекает прямо и непосредственно из всего вышесказанного; только внешняя коммуникативность может быть объяснена таким образом. Что касается внутренней коммуникативности, то она опосредована также и психобиологией, специфическим телесным устройством человека, позволяющим ему не только обращаться к другим людям, но и вести нескончаемые диалоги со своим alter ego, через которое нам даны, в конечном счете, иные люди. «Диалог полушарий» в трактовке Вяч. Вс. Иванова и Ю. М. Лотмана являет собой в данном случае не более чем момент функционирования психобиологического фундамента сознания.

Что касается образующих сознания, то они должны пониматься именно как материал, из которого складываются функциональные органы сознания: перцепция, мышление, память, внимание, речь. Поскольку в сознание введены через его личностный центр ценностные моменты, то естественно, что каждая единица информации, поступающая в него, оценивается с точки зрения ее отношения к нему самому и социуму.

Если мы хотим проследить развитие сознания в онто- и филогенезе, то должны оценивать его прежде всего с точки зрения его личностного компонента. Однако он не дан нам непосредственно. Поэтому рациональнее опираться в исследовании и на развитие образующих, и на развитие функциональных органов сознания, и на феноменологию сознания (в вышеочерченном смысле). Феноменологический анализ как раз может показать то, что скрыто за многообразием явлений. Особенно это относится к проблемам, связанным с выделением основных сечений: дистинкции Я и не-Я, знака и значения, рефлексивного и нерефлексивного.

Библиографический список

1. *Адамар Ж.* Исследование психологии процесса изобретения в области математики. М., 1970.
2. *Аллахвердов В. М.* Сознание как путь к осознанию // Проблема сознания в философии и науке. М., 2009.
3. *Арутюнова Н. Д.* Метафора // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
4. *Арутюнова Н. Д.* Образ, метафора, символ в контексте жизни и культуры // Res philologica : филологические исследования : памяти академика Г. В. Степанова. М. ; Л., 1990.
5. *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского // Проблемы творчества Достоевского. 5-е изд., доп. Киев, 1994.
6. *Веккер Л. М.* Психические процессы. Т. 2 : Мышление и интеллект. Л., 1976.

7. Веккер Л. М. Психические процессы. Т. 3 : Субъект, переживание, действие, сознание. Л., 1981.
8. Владимиров А. Д., Лурия А. Р. Нарушение зрительного восприятия при поражении лобных долей мозга // Проблемы нейропсихологии : психофизиологические исследования. М., 1977.
9. Горелов И. Н. Невербальные компоненты коммуникации. М., 1978.
10. Горелов И. Н. Вопросы теории речевой деятельности. Психолингвистические основы искусственного интеллекта. Таллинн, 1987.
11. Гудков Л. Д. Метафора и рациональность (как проблема социальной эпистемологии). М., 1994.
12. Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени // Собр. соч. М., 1994. Т. 1.
13. Джемс В. Психология. М., 1991.
14. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. М., 1993.
15. Дэвидсон Д. Что означает метафора // Теория метафоры : сб. пер. с англ., нем., фр., исп., пол. яз. / общ. ред. Н. Д. Арутюновой. М., 1990.
16. Забродин Ю. М., Потемкина О. Ф., Рубахин В. Ф. Слоjno-ступенчатая модель переработки информации человеком // Когнитивная психология. М., 1986.
17. Зинченко В. П. Проблема образующих сознания в деятельностной теории психики // Вестн. МГУ. Сер. 14, Психология. 1988. № 3;
18. Зинченко В. П. Миры сознания и структура сознания // Вопр. психологии. 1991. № 2.
19. Зинченко В. П. Проблемы психологии развития // Там же. № 6.
20. Зинченко В. П. Наука о мышлении // Психол. наука и образование. 2002. № 2.
21. Зинченко В. П. Живые метафоры смысла // Вопр. психологии. 2006. № 5.
22. Иванов Вяч. Вс. Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. М., 1978.
23. Иванов Вяч. Вс. Нейросемиотический подход к знаковым системам искусства // Человек в системе наук. М., 1989.
24. Кант И. Критика чистого разума. М., 1994.
25. Крауфорд Ф. Волны // Берклеевский курс физики: в 5 т. М., 1984.
26. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 2004.
27. Лейбниц Г.-В. Монадология // Соч. : в 4 т. М., 1982. Т. 1.
28. Литвин Ф. А. О степенях предикативности // Филол. науки. 1984. № 4.
29. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении, гл. 14, § 13 // Соч. : в 3 т. М., 1985. Т. 1.
30. Лотман Ю. М. Культура и текст как генераторы смысла // Кибернетическая лингвистика. М., 1983.
31. Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Труды по знаковым системам. Тарту, 1983. Вып. 12 : Структура и семиотика художественного текста.
32. Лотман Ю. М. Риторика // Там же.
33. Лурия А. Р. Высшие корковые функции человека и их нарушение при локальных поражениях мозга. 2-е изд., доп. М., 1969.
34. Лурия А. Р. Мозг человека и психические процессы. М., 1970. Т. 2 : Нейропсихологический анализ сознательной деятельности.
35. Манин Ю. И. К проблеме ранних стадий речи и сознания (филогенез) // Интеллектуальные процессы и их моделирование. М., 1987.
36. Молчанов В. И. Парадигмы сознания и структуры опыта // Логос. 1992. № 3.
37. Петренко В. Ф. Основы психосемантики. Изд. 2-е., доп. СПб., 2005.
38. Портнов А. Н. Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX—XX вв. Иваново, 1994.
39. Прэтт У. Цифровая обработка изображений. М., 1982.
40. Радзиховский Л. А. Язык описания целостности и идеи Л. С. Выготского о «единицах» // Речь: восприятие и семантика. М., 1988.

41. *Радзиховский Л. А.* Диалог как единица изучения сознания // Познание и общение. М., 1988
42. *Рубинштейн С. Л.* О природе мышления и его составе // Хрестоматия по психологии мышления / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. А. Спиридонова. М., 2008.
43. *Серль Дж.* Природа интенциональных состояний : пер. с англ. // Философия, логика, язык. М., 1987.
44. *Фихте И. Г.* Очерк особенностей наукоучения по отношению к теоретической способности // Соч. : в 2 т. СПб., 1993. Т. 1.
45. *Фихте И. Г.* Факты сознания // Там же. Т. 2.
46. *Хакен Г., Хакен-Крелль М.* Тайны восприятия. М., 2002.
47. *Хомская Е. Д.* Нейропсихология. Изд. 4-е. СПб., 2005.
48. *Чуприкова Н. И.* Слово как фактор управления в высшей нервной деятельности человека. М., 1967.
49. *Чуприкова Н. И.* Психика и сознание как функции мозга. М., 1983.
50. *Чуприкова Н. И.* Психология умственного развития: принцип дифференциации. М., 1997.
51. *Цветкова Л. С.* Мозг и интеллект. Нарушение и восстановление интеллектуальной деятельности. М., 1995.
52. *Шелер М.* Положение человека в Космосе // Избр. произведения. М., 1994.
53. *Шошин П. Б.* Анизоморфизм эксплицитного и имплицитного // Бессознательное. Т. 3 : Природа, функции, методы исследования. Тбилиси, 1978.
54. *Шпенглер О.* Закат Европы : очерки морфологии мировой истории. М., 1993. Ч. 1 : Гештальт и действительность.
55. *Юнг К. Г.* Душа и земля // Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени : пер. с нем. М., 1993.
56. *Якушин Б. В.* Слово, понятие, информация. М., 1975.
57. *Altman J.* Three levels of mentation and the hierarchic organization of the human brain // Psychology and biology of language and thought : Essays in honor of Eric Lenneberg / Ed. by G. A. Miller, E. Lenneberg. New York ; San Francisco, 1978.
58. *Aebli H.* Denken: Das Ordnen des Tuns. Bd. 2 : Denkprozesse. Stuttgart, 1981.
59. *Arnheim R.* Anschauliches Denken. Berlin, 1972.
60. *Arnheim R.* A plea for visual thinking // Languages of the art. London, 1981.
61. *Husserl E.* Logische Untersuchungen. 5. Aufl. Tübingen, 1968. Bd. 2, T. 1 : Untersuchungen zur Phänomenologie der Erkenntnis.
62. *Gehlen A.* Der Mensch: Seine Natur und seine Stellung in der Welt. 14-te Aufl. Wiesbaden, 2004.
63. *James W.* The principles of psychology. New York, 1974.
64. *Jaynes J.* The origin of consciousness in the breakdown of the bicameral mind. Boston, 1976.
65. *Jung K. G.* Psychologische Typen. 12. Aufl. Olten ; Freiburg, 1976.
66. *Jung K. G.* Archetyp und Unbewußtes // Grundwerk : in 9 Bd. Olten ; Freiburg, 1978. Bd. 1.
67. *Schütz A.* Aufbau der sozialen Welt: Eine Einleitung in die verstehende Soziologie // Alfred Schütz Werkausgabe. Konstanz, 2004. Bd. 2.
68. *Schütz A., Luckmann Th.* Strukturen der Lebenswelt. Stuttgart, 2003.

СЕМАНТИКА КОНФЛИКТА

ТЕОРИЯ ЗНАЧЕНИЯ

1. Онтология значения

Семантика сегодня существует как отрасль лингвистики, тема психологии и философии, «наука на стыке наук», изучающих разные предметы. Попытки соотнести и совместить логическую и лингвистическую семантику дают интересные результаты. В частности, в формальной логике «истина может следовать из всего, что угодно, а из лжи может следовать все, что угодно» [15, с. 190], следовательно, из лжи может следовать истина. Многие логические теории предлагают равновозможные результаты и пути их достижения [21, с. 59]. Лингвистическая семантика гораздо менее безразлична к содержанию высказываний, не только потому, что она менее формализована, но и потому, как я полагаю, что опирается на объективные свойства человека. И ни эти свойства, ни формы выражения этих свойств не являются полностью произвольными. О необходимости «философской семантики» говорит известный лингвист Д. Лайонз, неявно предполагая семантическое единство философского знания, тогда как «философы языка» нередко выполняют вспомогательную работу для лингвистов, не ставя в рамках своей отрасли философии предельные, собственно философские вопросы [12].

Существует ли предмет семантики как самостоятельной науки, а не междисциплинарной области исследований? Если сопоставить формулировки психосемантики [17, с. 5], лингвистической семантики [12, с. 10], философии языка [20, с. 16] и других отраслей знания, поднимающих семантические проблемы, можно сделать вывод, что первой функцией (свойством) значения является различие. А так как в лингвистике объект сводим к совокупности его свойств [3, с. 21], то и само понятие значения в его предельном понимании можно свести к понятию различия, или, если быть более точным, к свойству, выраженному глаголом «различать», то есть отличать главное от второстепенного, фигуру от фона и т. д. Конечно, в психологии и философии понятие значения (смысла) может быть представлено более широко, но у любой формулировки этого понятия функция различия будет присутствовать в числе первых.

Любая вещь существует для нас постольку, поскольку отличается от других вещей, если даже не внешне, то по пространственно-временным характеристикам. Высшая цель диалектики, по Платону, — проводить различие. Различие делает вещи единственными и уникальными в своем роде, придает вещам ценность, тогда как общность объединяет и замещает одну вещь другой и один подобный термин другим [4, с. 13]. Различие, проявляющееся в процессе познания, относится скорее к существованию и производству понятий, чем к их некоторой постоянной «сущности». Различие проводится людьми [4, с. 45], это конкретный смысл, актуализируемый по законам сущности, но для целей существования. Оно имеет промежуточный статус между «вечными» идеями в философии или наиболее общими принципами языка в лингвистике и преходящими понятиями вещей, нуждающихся всякий раз в

обновлении своего смысла. В. С. Трубецкой [19, с. 36] говорит о структурной логике различия в языке. В лингвистике, как и в философии языка, мы могли бы остановиться на этом отличии «различия» и «сходства». Хотя, следуя монистическому подходу в философской онтологии, необходимо признать и само понятие «сходство» моментом различия, выраженном уже не в пространственных, а во временных координатах. Если очевидное для нас различие выражает, по Ж. Делезу [4, с. 13], «жажду пространства», то повторение выражает «жажду времени»: повседневная деятельность, полная повторений, таких как укладка кирпичей, стирка, приготовление пищи и т. д., кажется «бессмысленной», так как одно повторяющееся действие неотличимо от другого. Но их значение проявляется во времени: появляется новый дом, чистая одежда, сытость вместо голода. Если даже мы не замечаем этого позитивного различия, по крайней мере мы избегаем негативного, разрушительного для нас различия, которое не наступает благодаря повторениям.

Для формулировки своей позиции относительно различий я прибегну к некоторым постулатам:

1. Различие как цель познания тотально.
2. Тотальность различия есть тотальность значения (смысла).
3. Различие любых двух конкретных вещей может быть уникальным, т. е. единственным в своем роде, поэтому нельзя составить «список всех различий» или его полную типологию. Поступать так — значит сводить различие к сходству и отрицать его тотальность.
4. Различие может быть передано с помощью систем формальных знаков.
5. Тождество есть скрытое различие (отождествление), условно принятое как достаточный уровень различия (сопоставления) двух вещей для целей их познания.
6. Противоречие различий есть их отождествление, подмена, не распознанная или не переданная как таковая.
7. Различие вычислимо относительно (на фоне) других различий.
8. Распознать различие с помощью другого различия — значит дополнить его другим различием и выделить их сумму в качестве третьего (нового) различия.
9. Анализ данного различия не может его постичь, а часто обедняет, формализует, упрощает изначальное различие. Единственный путь к пониманию различий — синтез.

Различие является фундаментальным свойством человеческого познания Единства субъекта через множество различий материальных вещей к Единству законов природы и мира в целом. Путь познания Единства идет через различие, но останавливаться на различии — значит отрицать третье, промежуточное Единство — семантическое Единство человеческого познания. Это и «семантический метаязык», обнаруживаемый А. Вежбицкой, и фундаментальные принципы семантики и грамматики всех человеческих языков, и «регулятивные идеи разума» И. Канта, и единство человеческой психики. Как говорит Ж. Деррида, в языке «сама явленность различия предполагает его первосинтез», а путь к этому «первосинтезу» ведет нас от его фундаментальной противоположности любому различию. Все то, что мы познаем, — познаем благодаря различиям, противопоставлениям, сопоставлениям заведомо разных для нас вещей. Поэтому логично допустить, что существует главное различие: между «Различием вообще» и «Единством вообще». К семантическому Единству можно придти и другим путем: различающиеся между со-

бой вещи связаны между собой этим различием, и если наше познание часто, даже не открывая действительных различий, приписывает вещам собственные различия, оно скорее всего действует по аналогии. Как говорит Б. Кроче, «само единство есть не что иное, как процесс различий».

Здесь на уровне логики языка возникает парадокс Единого — Многого: если Единство внутренне непротиворечиво, оно не может состоять из противоречащих друг другу идей (иерархии и равенства, свободы и зависимости и т. д.). А если оно противоречиво, тогда его просто не существует, а существуют отдельные идеи, как их представлял Аристотель. Хотя на уровне лингвистики (словообразования) это противоречие не возникает: одно изначальное понятие может быть непротиворечивым и при этом объединять в себе смыслы производных из него понятий, представляющих разные и даже противоположные идеи. Следуя Ж. Делезу, в философии целое не равно своей части, но часть может быть равна целому [4, с. 57]. В лингвистике более древнее слово может породить новое, которое станет точнее и глубже первого. Кроме того, возможен и обратный процесс: из понятий, имеющих противоположные смыслы, могут возникать объединяющие их понятия, нередко представляющие новое качество, новое отношение к этим смыслам. Такие понятия, как ум, разум, рассудок, имели общее происхождение, но последующее развитие их смыслов (у Канта и Гегеля) «развело» эти понятия довольно далеко друг от друга. Понятие «дух» столь древнее, что его смысл неявно объединяет в себе смыслы таких понятий, как «воля», «желание» и даже некоторая «рациональность» или «порядок» мира. Разумеется, когда был актуален смысл изначального понятия, не существовали (или были подчиненными) смыслы его производных, а когда они появились, актуальность (частота употребления) «родительского» понятия снизилась. Философским языком эту мысль можно выразить так: идеи входят в Единое формально (потенциально), а выходя из него, реализуются содержательно, т. е. раскрывают свой смысл и могут противоречить друг другу. По аналогии: ссоры детей не отменяют «мирного сосуществования» их родителей. Расхождение производных смыслов (более точных, конкретных) с изначальным неточным понятием может воспроизводить познавательную модель «поиска образца» по «древу признаков» [4, с. 49].

Сохранение в языке древних, «родительских» понятий может служить основой для создания таксономий: различения абстрактных (родовых) и конкретных (видовых) признаков у одного и того же объекта или у сходных объектов. Примеры — определенный и неопределенный артикли английского языка, разделение глаголов на вспомогательные (абстрактные) и конкретные, выражающие реальные действия, существительных на роды и другие языковые способы, служащие более быстрому распознаванию объектов и реагированию на них. Так же выделение более точных понятий из изначального может выражать разные степени одного и того же чувства (к примеру, «страх», «трепет», «ужас»), требующие разных, часто противоположных действий, различающихся для «страха» и его синонимов от активной защиты (нападения) до полной пассивности (маскировки) или бегства. Реализация одних идей в данное время и в данном месте нередко отрицает возможность одновременной реализации других. И если относительно одного человека это очевидно, то для общества и государства представляется менее очевидным. Однако философы считают [23, с. 216], что именно победа номинализма в позднее Средневековье привела в быстрому развитию экспериментальной

науки, ослаблению внимания к «умопостигаемому» и защите всего индивидуального перед общим.

Семантическое Единство осознается через единство противоположностей: семантические оси [3, с. 25] не только разъединяют противопоставляемые смыслы слов и вещей, но и соединяют их: «жизнь» имеет смысл, когда она противопоставлена «смерти» или чему-то более страшному, когда она конечна, когда есть чем рисковать, ради чего и против чего бороться. Игнорирование одной стороны различия обесценивает обе его стороны. Нет добра, не являющегося отрицанием некоторого зла, и всякое действие, которое можно оценить в терминах добра и зла, направлено (познавательно) на лучшее определение того и другого. То, что противопоставлено другому, — важно и ценно для нас, оно «имеет значение», структурирует нашу «картину мира». Продолжая эту мысль, можно сказать, что всякое утверждение в семантическом плане является отрицанием противоположного утверждения и, тем не менее, актуализирует собственное отрицание своей актуальностью. Следовательно, если позитивное утверждение, будучи высказанным, доказанным, получает силу своего доказательства, противоположное утверждение также получает силу инерции отрицания, большую актуальность и поиск доводов в свою защиту. Предельным рефлексивным доказательством в науке становится возможное опровержение уже доказанного положения — принцип фальсификации [14, с. 429]. И в этом наука следует скорее не своим внутренним законам, а правилам перестановки, образования понятий, выражения новых смыслов в языке, родственным апофатическому богословию. Производно ли семантическое единство человеческих языков от общего, объективного единства окружающего мира или оно имеет иную, собственно человеческую природу? Отвечая на этот вопрос, можно указать на родство обоих единств и уточнить, что человеческий поиск единства с помощью различий рефлексивен и, следовательно, более глубок, чем «безответное» единство природных связей.

Если представить семантическое Единство геометрически, к примеру в виде шара с параллелями и меридианами (хотя возможны и другие аналогии), то семантические оси, обозначающие разные противопоставления, расположатся вдоль меридианов, одна за другой, так что с каждой стороны меридиана будут располагаться идеи-синонимы, противоположные идеям другой стороны. Успех, «поднятие» одних синонимичных идей приведет к «провалу», «складке» противоположных. Таким образом, будет развиваться «геологический» процесс вертикальных «поднятий» и «опусканий». А если эта аналогия окажется удачной, стоит вспомнить и о горизонтальном процессе движения «литосферных плит»: национальных языков, культур и мировоззрений, «всплывающих», сталкивающихся, расходящихся или уходящих одна под другую. Неверно утверждать, что одни фундаментальные идеи, подобные выделенным Платоном и Аристотелем, лучше, а другие хуже, одни истинны, а другие ложны, что одни «семантические примитивы» (такие как я, ты, если, потому что, и т. д.) «полезны», а другие «вредны» для людей. Иначе их можно было бы просто «отменить», а какой-либо материальный успех воплощения «вредных идей» был бы невозможен. Истина, по-видимому, состоит в том, что успех сопровождает периодически разные идеи, в разных условиях и в разной степени. А люди, честно следующие за ними, оказываются пленниками их успеха или поражения. Эти перемены были описаны еще в древности [24], но практические выводы из них были сделаны только относительно отдельных лиц, «пленников» обстоятельств.

Стабильные, «вечные» Идеи являются алфавитом, из которого, соответственно обстоятельствам и интеллекту, строятся отдельные «слова» и высказывания, обосновывающие преимущество одних идей над другими. Но обстоятельства и условия не являются стабильными, а человек «не успевает» формулировать новое мировоззрение под каждое изменение условий (в том числе социальных, экономических, экологических). Поэтому мировоззрение поддерживает некоторый миф о стабильности условий в данной стране, успеху деятельности в которых способствует именно это мировоззрение. Этот парадокс или ложь возникают автоматически, как следствие логической замкнутости, само мировоззрение — обоснование определенной системы идей.

Все идеи (в силу условности языка) принадлежат человеческому интеллекту, они могут, подобно буквам и семантическим примитивам А. Вежбицкой, быть «равны» друг другу. Структура же, по крайней мере последовательность букв алфавита, по мнению Дж. Лайонза, — произвольна [12, с. 23]. Их применение может быть свободно, не связано с «синонимией» и «антонимией» формальных отношений. Опираясь на материалистическую точку зрения, можно сказать, что реальны и единственны только события, а отношения к ним, оценки, восприятия и мировоззрения и другие структуры «упаковки» событий виртуальны и множественны, «человечны». «Победа» и «поражение» тех или иных идей зависят не только и не столько от их истинности, сколько от обстоятельств их применения, удобства, наличия знаний и т. д.

Наоборот, истина, утверждающая свою единственность, требующая от своих адептов избавления от других альтернатив и мнений, нередко становится истиной-самоубийцей. Поскольку различие (смысл) любой истины находится на семантической оси, то есть заключено в сочетании двух альтернативных понятий, отрицание одного из них или новой альтернативы данной истины оставляет ее наедине с ее обладателями. Формально они вынуждены опровергать эту истину, а содержательно — ей следовать. Такая истина отвергает своих носителей как собственное инобытие, а они убивают себя, чтобы «очистить» данную истину от последних заблуждений, «телесной оболочки». Примерами могут служить «истины» террористов-смертников и такое парадоксальное явление, как «усиление классово-борьбы по мере движения к социализму», ставшее теоретическим основанием массовых репрессий в сталинский период. Может ли такая «истина» существовать вне интеллекта своих носителей? Следуя скептической философской мысли, можно сказать, что утверждение единственной истины — это преступление, в том числе и против данной истины.

Человеческий интеллект имеет возможность конструирования новых понятий, новых, более сложных сочетаний идей и расширения существующих мировоззрений. Но для этого нам следует поставить иные цели познания и развития, преодолеть инерцию борьбы, «побед и поражений» на поле языка, притяжение его логики, чтобы выйти в космос, пространство более сильных взаимодействий и принципиальных различий языков, характерных не для человеческой реальности, а для реальности «возможных миров» Языка вообще.

2. Гносеология различия

Как пишет У. Эко, человеческий язык во многом безосновен, условен, является объектом формальной языковой игры. Поэтому в постановке и решении семантических вопросов важна открытость позиции автора, его убеждений. Ответ на вопрос: «Кто говорит?» — может определять ответы на вопросы: «О чем говорит? Что говорит?» Выявлять идеологию — одна из задач

семиотики [24, с. 31]. Основой такой идеологии (в том числе и нравственных, практических убеждений человека) может служить ряд фундаментальных философских вопросов, актуальных для логической и лингвистической семантики [22, с. 54]:

1. Что важнее: структура или процесс порождения структур? Этот процесс может быть выражен конкретным правилом или игрой, где правила можно изменять? Есть ли нечто более фундаментальное, выходящее за рамки понятий о структурах и процессах?

2. Что есть идея? Какова природа идей (естественных родов) в человеческом разуме? Чем обусловлено незначительное число идей (как и фонем в языке) сравнительно с огромным числом форм их выражения и сочетаний?

3. При каких условиях объект является устойчивым, может выступать единицей некой структуры, а при каких «растворяется» в этой структуре, является условным знаком, термином?

4. Свойства, которые мы обнаруживаем у объектов, принадлежат самим объектам или порождаются условиями, контекстом, в том числе условиями нашего отношения к ним (опыта)?

5. Сущность является объектом или условной идеей, «растворяющейся» в существовании? Существует только одна сущность или их много (объектов, форм бытия и т. д.)?

Отвечая на эти вопросы, следует сделать выбор, чтобы далее двигаться во всех аспектах проблемы в одном направлении, а не одновременно в разных. Так как семантика не может охватить и описать смыслы всех процессов и явлений, происходящих в мире (подобно лапласовскому детерминизму), как и другие науки, она должна отвечать на наиболее актуальные вопросы, которые ставит перед ней общество. Попытаюсь ответить на поставленные выше вопросы:

1. Процесс (по правилу, принципу) открывает изначальную структуру (Леви-Строс). Дает возможность изменять имеющиеся структуры (Н. Хомский). Обладает возможностью самоизменения, определяя те категории, что остаются постоянными, и те, что могут изменяться свободно. То есть существуют язык и метаязык теории. Поэтому я отдаю предпочтение процессу.

2. Идеи — предельно возможные абстракции смысла, ни одну из которых нельзя исключить из рассмотрения или заменить другой. Каждая из идей имеет хотя бы одно свойство, отсутствующее у других. Они строго индивидуальны.

3. Объект является устойчивым, если он замкнут, рефлексивен, может высказываться о себе самом и любая иная интерпретация этого объекта будет неполной или неверной. Таковыми являются правильные геометрические объекты, в отличие от объектов теории чисел. Математические теории занимают промежуточное положение. Наличие рефлексивных свойств может определять объекты и в социальных науках, то есть мировоззрение людей само определяет их как объекты-индивиды или представляет в качестве элементарных объектов семью, племя, государство.

4. Рефлексивные свойства следует считать принадлежащими самим объектам, хотя они могут быть подобны или одинаковы у разных объектов. Нерефлексивные свойства, даже если они индивидуальны для данного объекта, можно считать следствием условий, контекста, нашего опыта и отношения к этим объектам.

5. Сущность часто является «точкой отсчета», аксиомой, тем, с чем нам приходится иметь дело как с целым. Сущность часто, как считал, например,

Дж. Локк, недоступна для разума. Поэтому познающий разум стремится к минимизации сущности — для более свободного оперирования, переустройства существования. Пример: совпадение абсолютного минимума и абсолютного максимума по Н. Кузанскому. Для семантики может быть достаточным признание в качестве объекта одной сущности как суммы идей, характерных для каждого человека и человечества в целом.

В целом семантика может опираться на интересубъективные (общечеловеческие) смыслы реальных объектов, полагая, что мнения и оценки одних и тех же вещей у разных людей, племен, государств могут значительно отличаться, но отношения к наиболее важным вещам должны быть одинаковы, так как основаны на одних и тех же (изначальных) смыслах. Всякая наука выделяет общее из особенного, объясняя последнее через первое, а научные законы — это максимальные обобщения большого числа фактов. Но язык, культура, языковая картина мира, по Канту, стоят на границе объективного научного знания и «свободной воли». Если наука убедительно доказывает одинаковость людей разных стран, то сами эти люди часто не хотят становиться одинаковыми и этим частично «опровергают» науку. Задача семантики состоит не в том, чтобы объединить все языки и все народы в одну синхронизированную общность, а в том, чтобы понять естественные процессы мышления и познания мира, символически выраженные в формальных системах.

Говоря об общем и особенном, на примере языка можно указать на содержательные классы понятий, отличающиеся друг от друга по степени выраженности в них общих единиц. Максимальной степенью общности и безразличия к конкретным культурам обладают количественные (математические) отношения: как между объектами, так и между субъектами диалога. Соответствующее содержание выражают вопросы: «Сколько вам лет?», «Какого роста этот человек?», «Сколько шагов до того дерева?» и т. д. Хотя количественные единицы могут иметь разные имена и отличаться друг от друга физически, их смысл, предназначение идентичны. Это доказывает также легкость и частота заимствования имен и самих математических единиц разными культурами друг у друга и их стандартизация: индийские цифры у арабов, «арабские» цифры — в Европе, в Японии — заимствование китайских мер, Григорианского календаря, левостороннего движения на дорогах и т. д. Мы до сих пор используем шестидесятеричную систему счета шумеров (3000 лет до н. э.).

Другой степенью общности обладают слова (понятия), выражающие привычные для всех объекты и качества. «Человек», «животное», «растение», личные и указательные местоимения, «год» (как имя солнечного цикла), «белый», «желтый», «семя», «червь» и т. д. Эти понятия с необходимостью подобны в разных языках и культурах, но при этом несут на себе особенности данной культуры, указания на специальные — иерархические, пространственные или оценочные — категории, а также происхождение в данном языке. Так, в русском языке общее понятие «червь» происходит от прилагательного «червлёный», красный, указывая на цвет наиболее известного дождевого червя. В японском «червь» имеет общий смысл «личинка насекомого» и далее различается по тому, что будет из этой личинки: если червь «без шерсти» — будет муха или ничего не будет, а если «в шерсти» — будет бабочка, а значит, шелк или просто наслаждение красотой.

Уникальные или ареальные понятия в данной культуре говорят либо об уникальном природном явлении, либо об уникальном обряде, примете, важной культурной реальности, выражающей либо особенность данной культу-

ры, либо особенность (стадию развития) языка. К примеру, отсутствие общего понятия «дерево» (древесное растение) у народов севера выражает объективную реальность: отсутствие деревьев, существенно отличающихся от других растений — трав и кустарников. А отсутствие понятия «дерево» в некоторых языках североамериканских индейцев, живущих среди деревьев, говорит о несформированности общего объектного понятия из более важных частных: «хвойное» и «лиственное».

По-видимому, вначале в человеческом мышлении формируются общие понятия, связанные с отношениями между людьми, которые частично переносятся, частично определяют отношения между людьми и окружающим миром (пример — тотемический оператор К. Леви-Строса). Поэтому генетический путь к общим объектным понятиям может существенно различаться у разных культур. Как между общими понятиями, так и между общими и частными могут иметь место две связи: мировоззренческая, универсальная для всех людей связь («цвет — красный») и связь, обусловленная конкретной реализацией этих понятий в окружающем мире («красный — красивый, предпочтителен красный цвет», «белый — цвет траура, вызывает печаль»). Причем вторая связь может казаться более сильной, чем первая.

К задачам семантики конфликта можно отнести исследование отношений между общими, наиболее важными понятиями, как в универсальных их отношениях, так и в их реализациях в разных культурах, отношения между частями языковых картин мира, а также специфические отношения между общими и частными понятиями, производство частных понятий из общих. Решение этих задач позволит перебросить мосты между культурами, сохранить их многообразие и мировоззренческое наследие.

3. Логика и методология различия

Выбор фундаментальных методов познания в семантике невелик. Это либо традиционная метафизика и формальная логика, рассматриваемые скорее не как арсенал средств для прямого использования, а как «образцы», в платоновском смысле, для поиска новых методов, обладающих не меньшей точностью и достоверностью, либо традиция позитивного знания, включающая феноменологию и герменевтику Гуссерля — Хайдеггера — Деррида. Оба эти направления имеют существенные недостатки.

Традиционная метафизика бытия и небытия, неявно включающая в себя логику с законом исключенного третьего, различает важное от второстепенного в реальности как присутствующее и отсутствующее в сознании. Традиция обнаруживать позитивно-содержательное путем «очищения» его от негативно-формального использует негативные определения и отрицательные частицы, чтобы на их фоне утверждать важное, содержательное и позитивное (уже в смысле оценки). Следуя такой методологии, можно говорить об «антиидеях» [18, с. 7], «антиполитике», небытию как некотором содержательном ресурсе бытия. Недостатки подобного рассуждения очевидны: как говорил Парменид, «бытие есть, а небытия нет». Если бы небытие существовало, чем бы оно отличалось от бытия? Нашей субъективной оценкой? Тогда следовало изобрести другую категорию. Аналогично не существует «антиистины» — зато есть ложь, с характерными для нее содержательными признаками. Есть «тени вещей» Платона, но они реальны как тени и «ничтожны» как форма небытия. То, к чему мы применяем отрицательные частицы, «ни-

чтожится», отбрасывается нами. Эти частицы образно можно назвать мешками для мусора, которые обязаны быть «пустыми», чтобы выполнять свою функцию. Но мы, по ошибке, можем иногда счесть их «полными», негативно-содержательными и важными для нас и попасть в парадокс типа «Буриданов осел». А если при этом мы еще будем руководствоваться формальной логикой с линейным следованием и гомологичным дискурсом, то наши рассуждения могут вообще потерять всякое содержание.

Этих опасностей пыталась избежать позитивная философия с ее моделью целостного субъектно-объектного феномена, в котором можно различать разные слои, обладающие разной степенью реальности или важности для человеческого существования, не отбрасывая ни один из них. Но позитивная философия не создала «позитивной» логики. Отказавшись от части выразительных средств языка, она подвергла себя другой опасности — говорить об известном, не выходя за границы имеющегося знания, так как, избегая формальных структур, можно сделать содержание «бесформенным» и неточным. Поэтому, стремясь к точности, лучше опираться на традиционную метафизику, специально оговаривая формальность (как свернутость данного смысла и рождение другого) в метаязыке по отношению к языку, способному выразить всю полноту содержания, но «не знающему» окончательного решения поставленных в нем проблем.

Можно применить метод перестановок для классификации негативных категорий и языковых форм. В языке немало форм отрицания, отсутствия, отторжения и запрета: нет, нельзя, не смей, запрещено, не следует, «по газонам не ходить». Многие из них имеют позитивное содержание. Хотя в «Металингвистике» [11, с. 190] негативное определение рассматривается только как частный случай неполного определения. В случае перестановки мы получаем четыре значения (типа) отрицательных категорий:

1. Бытие — ничто, отсутствие качества. Значение = 0.
2. Бытие — не ничто (нечто), прямо противоположное качеству. Значение = -.
3. Бытие — небытие, минимум бытия (тьма, блик, пыль). Значение = min.
4. Небытие — не ничто, сочетание противоположностей (печаль света, грустная улыбка). Значение = +/-.

Бытие здесь рассматривается как нейтральное (нереагирующее) по отношению к любому свойству, как негативному, так и позитивному или «среднему».

Было бы неверным сводить все формы отрицания к одной-двум, к чему нередко подталкивает нас привычная логика языка. Первое из выделенных значений можно назвать значением Парменида или «мешком для мусора», второе часто используется в философской онтологии и эзотерических учениях, утверждающих существование другой реальности. Третье — значение Платона, которое в принципе может быть позитивным, но из-за своей малости чаще отбрасывается, чтобы увидеть главное. Четвертое значение чаще используется как метафора, оно придает значимость минимуму бытия — на фоне отрицательного «нечто». Это «вечное во временном», равновесие позитивных и негативных качеств. Используя четыре типа отрицания, мы можем уйти в диалоге от рокового выбора «да или нет». Семантика четырех значений, как в отрицаниях, так и в утверждениях, может сделать естественный язык более «сильным» и богатым, приблизив его выразительную мощь к математическому языку.

Формальная логика [9, с. 99] на примере логического квадрата делит все высказывания на противные (контрарные), субпротивные и подчиненные. То есть выделяет разную степень «жесткости» и разное содержательное наполнение отрицательных высказываний, что сближает логическую классификацию с приведенной выше лингвистической. Что касается современной, особенно неклассической логики, то число отрицаний и их содержание там гораздо богаче [15, с. 463—466]. Четыре различных вида отрицания выделял также И. Кант: реальное, формально-логическое, математическое и диалектическое.

По аналогии с негативными категориями можно классифицировать и позитивные, обладающие разной степенью выраженности своего качества: от простого наличия до максимального наполнения:

1. Бытие — всё, значение = $+max$.
2. Бытие — не всё (наличие). Значение = 1.
3. Небытие — всё (положительное). Значение = +.
4. Небытие — не всё. Значение = $+1$.

Используя 4 позитивных и 4 негативных значения «да» и «нет» для любой категории, мы можем построить идеализированный диалог, свойства которого будут проявляться во всех диалогах, где есть попытка выяснить точное значение слов, оценку фактов, мировоззрение или позицию собеседников. По крайней мере, их количественные характеристики, как при выборе точного синонима при переводе. К примеру, русское слово «еще» имеет не менее шести английских аналогов: *yet* (отрицательное, действие еще не совершено), *more* (больше), *just* (еще немного), *some* (некоторое количество, мало), *still* (достаточно), *else* (чего-то еще не хватает).

Кроме более точного определения смысловых (в своей основе — психологических) значений понятий, мы сможем «управлять» противоречием в диалоге: переходить от контрарных высказываний к субконтрарным, от жесткого противостояния к более мягкому, не делая более мягкой нашу позицию, а изменяя только форму ее выражения. 4 позитивных и 4 негативных значения могут использоваться для выражения нового знания. К примеру, неизвестное свойство «красный» может быть выражено цепочкой значений «да» и «нет» — не белый, не черный, иной, скорее черный, чем белый и т. д.

В общем смысле гипотеза 4 значений может выглядеть так:

1. Любое осмысленное понятие можно представить как семантическую ось (пару противоположностей).

2. Любая ось в процессе раскрытия по правилу перестановки дает 4 значения, между которыми возможен синонимичный переход.

3. Пункты 1 и 2 применимы не только к понятиям, но и к высказываниям и отношениям между высказываниями. Следовательно, противоречие между высказываниями будет не прерывать диалог, а развиваться в последовательности 4 значений.

Кроме того, мы можем рассмотреть полученные нами символы значений (+, -, 0 и т. д.) как отражение некоторой обобщенной семантической реальности человека, выделить из них 6 элементарных (по аналогии с четырехбуквенным генетическим кодом в биологии) и интерпретировать их сочетания в качестве элементарных смыслов слов и высказываний (+, -, 0, 1, max , min). Каждое из них, как мы уже убедились, имеет самостоятельный смысл. Кроме этого, имеют смысл и сочетания этих значений (по два символа), что также было показано выше. А вот сочетания по три и более и перестановки символов оказываются бессмысленны или тавтологичны. Таким образом,

шесть элементарных и 15 двойных символов значений дают в сумме 21 значение, одно из которых должно принадлежать любому осмысленному объекту языка. Далее, сочетания (перестановки) любых двух носителей этих значений выявят возможные группы по 4 значения (смысла). Их можно считать вариантами развития противоречия на всех семантических осях. Сочетание смысла и значения будет употреблением данного значения в данной последовательности (смысле). Эта система применима к разрешению противоречий на уровне слов и высказываний. На более высоком уровне мировоззренческих систем, где требуется согласование 2 теорий, отличающихся по значению (одних и тех же объектов), обнаруживается, что (в данной математике) возможно существование сравнительно небольшого числа подобных теорий. Отсюда следует выбор соответствующих семантических аналогов для каждой из 2 данных теорий с последующим разрешением противоречия (приведение их к средней теории, разведение на разные предметы и т. д.).

Предлагаемая выше гипотеза продолжает формальное направление в лингвистической семантике (У. Эко, А.-Ж. Греймас). Содержательное направление выводит другие единицы языковой семантики и выстраивает их в другие структуры: фреймы и т. п. (А. Вежбицкая, Е. В. Падучева). Возможно, плодотворным окажется соединение «референциальных» (содержательных) теорий значения с формальными и структурными теориями. При этом первые будут отвечать на вопрос «Что является объектом высказывания?», а вторые — «Сколько этих объектов? Каковы их количественные и качественные характеристики?». Сближает позиции в понимании значения и смысла в референциальных и формальных теориях мысль Г. Фреге о том, что различие в смыслах одного и того же значения (референта) — это различие в способах получения этого (объективного) значения. Понятно, что в формальной теории значение не может отождествляться с денотатом, но оно может выражать для нас наиболее важное свойство этого денотата.

ТЕОРИЯ РАСПОЗНАВАНИЯ РАЗЛИЧИЙ

1. Семантические оси понятий. Возникновение новых понятий и их осей из данных

Философскую онтологию структурируют антонимы, в философской семантике различие передают семантические оси противопоставленных друг другу понятий. Для распознавания различий следует выявить некоторый потенциал первичных идей, выделенных Платоном и Кантом, первичных координат (связок), таких как пространство, время, причина, следствие и др., и первичных структур, подобных семантическим осям, принципам и правилам, характерным для человеческого языка вообще. Как пишет Леви-Строс, [13, с. 44], в первобытных культурах первичные структуры выходят на поверхность, прямо структурируя материальный мир, обуславливая порядок заключения браков, табу в пище, представления о мире. Этот потенциал можно считать всегда существующим «набором качеств Единого», в отличие от актуально возникающих конкретных знаковых систем (языков), мировоззрений и картин мира. Для описания и оперирования с актуальными сущностями необходимо прибегать к потенциалу как набору возможностей для их преобразования в специальных целях.

Мы можем использовать правило перестановки противопоставленных на семантической оси терминов для получения нового понятия и образования

новой семантической оси. К примеру, ребенок знает, что дождь бывает «большой» (льет как из ведра) и «маленький» (еле заметный, как туман). Но он не знает, что дождь может быть «частый» (плотный поток) и «редкий» (с заметным расстоянием между каплями). Впервые увидев последний, он пытается передать смысл: «редкие, но крупные капли», прибегая не к длинному ряду семантических примитивов, а к перестановке понятий на известной ему оси «большой — маленький», говоря возбужденно: «Этот дождь маленький, но не маленький, а с расстоянием между каплями». И далее уже прибегает к семантическим примитивам: «Вот: раз — два», показывая рукой это расстояние. Правило перестановки для двух терминов дает четыре варианта:

1) большой — маленький (или большой — или маленький), значения $\max : 0$;

2) большой — не большой (ближе к большому), значения $+$: 1 ;

3) маленький — не маленький (ближе к маленькому), значения \min : 1 ;

4) не большой — не маленький (средний), значения $+$: $-$.

Логически можно выделить еще два варианта, где противопоставление ослаблено по сравнению с четырьмя первыми: «большой — не маленький» и «маленький — не большой». В первом из них слово «не маленький» только подчеркивает значение «большой». А во втором слово «не большой» играет аналогичную роль по отношению к слову «маленький». Эти противопоставления синонимов или почти синонимов, по-видимому, нельзя считать носителями особых различий (смыслов). Интересным здесь кажется сам факт рождения смыслов синонимов из антонимов. Эти понятия больше напоминают оценки или повторения ранее высказанного смысла, идущие от эмоционального состояния говорящего. Хотя выражение оттенков смысла с помощью синонимов имеет важное значение, оно может быть рассмотрено отдельно.

Выбранное значение «маленький — не маленький» означает «имеющий свойства и большого и маленького, но ближе к маленькому». А слово «расстояние» уточняет этот смысл. Услышав это высказывание ребенка, родители понимают данное им различие, новое значение и дают точное, односложное определение: «редкий». Данный смысл можно дополнить, уточнить еще одним различием: «редкий в пространстве» и «редкий во времени», а также различием в выражении времен и пространств, характерных для конкретных языков. Но это различие в данной ситуации не является важным и не актуализируется.

Пользуясь правилом перестановки, можно создавать новые понятия: видовые — из родовых, из расплывчатых и неточных — более точные. Из одного общего можно получить несколько частных, образующих в случае актуальности, полезности их смыслов новые структуры знаний о мире, мировоззрения. К примеру, можно попытаться поднять статус понятия «равенство» (его широту и частоту применения) в традиционной китайской культуре. Известно, что в логике существуют разные типы равенства (отождествления). И если для Запада характерно связывать равенство с формально-логической и безусловной тождественностью «прав» всех людей (равенство всех перед Богом), то для Китая равенство двух друзей производно и обусловлено их отношениями, возможностью этого равенства [23, с. 218]. Попробуем сравнить эти значения равенства на оси «равенство — отличие»:

1) равный — отличный (отношения либо равные, как у друзей, либо союзные: учитель — ученик, начальник — подчиненный);

2) равный — неравный (чужой, враждебный, нечестный: «удар в спину, ниже пояса»; незаконный, опасный: например, «неравный бой»);

3) отличный — неотличимый (взаимозаменяемый);

4) неравный — неотличимый (равный в одном отношении и неравный в другом: «все мужчины», «все женщины»).

Мировоззрение, берущее свое начало в Китае (корейское, японское), чаще выбирает вид равенства, находящийся на первой оси, а западное мировоззрение предпочитает второй вариант. Хотя аналог западного смысла равенства можно обнаружить в отношении китайцев к фундаментальному для их культуры закону «у-син». Этот закон представляет истину Бытия как очевидную, открытую для всех желающих ее познавать. Причем религиозный статус этой истины делает ее неизменной, подобной букве заповедей Моисея. Всеобщее и безусловное равенство в отношении возможности (но не способности) познания объективной истины (хотя она по своей сути отрицает равенство людей) косвенно подтверждается отсутствием кастовой системы в Древнем Китае, возможностью для каждого сдать экзамен на получение должности в государственном управлении, а также отрицательным отношением к «чудесам», экстрасенсорным способностям людей и иноземным религиям, где «таинства» и «непознаваемость» играют значительную роль. Это парадоксальное «равенство в познании неравенства», тем не менее, дает возможность актуализировать близкий нам смысл, к примеру направить «равенство в познании» на области, выходящие за пределы концепции «у-син».

Расширить, дополнить первый вариант равенства можно и четвертым, имеющимся в китайской концепции «исправления имен»: если «имена» неистинны, то есть требуют присвоения их другим людям и явлениям, то появляется шанс дать их или одной, или другой вещи, «избрать на пост» либо одного, либо другого человека. Здесь можно сказать, что потенциальное равенство кандидатов возникает не из природы вещей (как западное равенство перед Богом), а из природы знаков. Так как «имен» или «мест» меньше, чем вещей и людей, которые могли бы эти места занять, то разные люди и вещи «подходят» под одно «имя», являются «равными» кандидатами. Тот, кто впоследствии занимает единственный пост, перестает быть равным им, хотя по своим способностям он и неотличим от них. Кажется очевидным, что четвертый смысл равенства был бы лучшей основой для переговоров и сотрудничества, чем такие далекие друг от друга и могущие привести к конфликту, как первый и второй.

Актуальными и «живыми» являются все возможные смыслы понятия, раскрывающиеся в семантических осях, но обстоятельства жизни, развитие общества и культуры делают одни из них более важными, а употребление их в языке более частым. Другие же в данных обстоятельствах остаются маргинальными, но могут быть востребованы изменившимися обстоятельствами жизни общества. А сама маргинальность станет важным ресурсом развития. Это положение можно подтвердить, в частности, фактами модернизации разных обществ без потери ими культурной идентичности, несмотря на отличающиеся друг от друга культуры, такие как японская, турецкая и т. д. Их «сакральные тексты» были в других обстоятельствах прочитаны иначе, получили новую трактовку. Как и русская культура получила особую интерпретацию в советское время и получает новую сегодня, в постсоветское. Это кажется естественным — спустя время, но часто приводит в ужас современников перемен.

2. Распознавание различий

Хотя полная классификация различий (смыслов) невозможна, существует необходимость шкал (родов), на которых мы могли бы определить один смысл относительно другого, поставить его в ряд подобных. Можно предложить объективные и субъективные подходы к классификации различий, то есть определять их относительно внешних объектов и процессов или внутренних состояний человека, его реакций на те или иные объекты и явления. Для первых следует выделить некоторый потенциал первичных идей, подобных платоновским и кантовским, и первичных координат (связок), таких как пространство, время, причина, следствие. Такую классификацию можно назвать специальной, так как ее «родовые» объекты будут кардинально отличаться друг от друга, а их связь в зависимости от мировоззрения будет различной у разных людей. Другой, интерсубъективный подход позволяет построить универсальную (внутренне связную и непротиворечивую) классификацию различий, основой которой станут первичные структуры, подобные семантическим осям, принципы и правила человеческого языка вообще, психологические состояния человека и культурные формы их выражения, которые в своей основе не менее объективны, чем свойства материальных тел. Если первая классификация позволит более точно определить объект диалога (различать прямой и косвенный контекст, слова-омонимы), то вторая поможет определить позицию автора — отношение говорящего к данному объекту. Для успешного распознавания различий (понимания смысла сказанного) в диалоге необходимо сочетать специальную и универсальную классификации смыслов.

Специальная классификация различий служит однозначному сопоставлению слова, обозначающего объект или явление внешнего по отношению к говорящему мира, с его денотатом. Это сопоставление осуществляется путем соотнесения изначального (неясного) смысла с родовым смыслом, включающим в себя данный смысл и ряд ему подобных, в результате чего изначальный смысл приобретает более точную интерпретацию. Распознавание различия здесь идет через возведение его к идее: вещества, действия, еды, документа, пространства, времени, субъекта и т. д. [8, с. 17]. Так, слово «бумага» может пониматься и как вещество, служащее разным целям, и как носитель информации, и как сама эта информация. Примеры: «государственная бумага» — значение 3, «клочок бумаги» (о договоре) — значение 2, «производство бумаги» — значение 1. В первых двух случаях мы имеем дело с явлением метонимии — переносом значения цели, для которой используется объект, на сам этот объект, как в случае с широко известным «стаканом воды» в отличие от более реального «стакана с водой». Большое распространение в языках мира этого явления говорит, вероятно, о свертывании семантики в направлении от «натуральных» значений к психологическим и универсальным для человеческого рода.

В специальной классификации число значений каждого термина может быть велико, приближаться к общему числу идей объектов и их сочетаний, что связано с условностью человеческого языка и свободой применения каждого отдельного слова. Применяя специальную классификацию, мы уменьшаем неопределенность объекта диалога, придаем ему конкретность, и если последующий диалог показывает, что эта конкретность недостаточна, мы можем провести уточняющий диалог, применить другие методы (теорию актантов, семантические примитивы и т. д.). В любом случае диалог об объ-

екте — это предварительный диалог. Здесь мы говорим только о более точном определении этого объекта, избегая выражения отношения к нему и тем более его оценок.

Распознавание этих различий в языке следует глобальным и локальным правилам разрешения омонимии [9, с. 10]. Хотя и они не могут охватить все случаи, включая художественное употребление, многозначность контекста, различие в значениях грамматических категорий. Можно попытаться объединить обе классификации. Во-первых, определяя вещь через отношение к ней. Так, положительное отношение страны к обладанию ядерным оружием (зависть к ядерным странам) может выдавать желание иметь такое оружие или косвенно указывать на его наличие, но, рассуждая таким образом, мы можем принять желаемое за действительно существующее и совершить ошибку. Во-вторых, мы можем обратиться к идеям, имеющим универсальное, интересубъективное значение. Так, все разновидности продуктов питания восходят к идее еды, противоположной идее голода, которая может быть рассмотрена на обычной семантической оси, с целью узнать отношение нашего собеседника к еде вообще, а уже потом — к данному блюду. Аналогично можно выяснить его отношение к соблюдению юридических норм (норма — произвол), знанию (владению информацией) и т. д. Таким способом мы можем выявить мировоззрение человека в целом, а потом понять его отношение к конкретным вещам и обладанию ими. Мы, вероятно, не сможем косвенными путями окончательно выяснить, обладает ли тот или иной человек определенной вещью, и наш рецепт может оказаться банальным: предварительно «разъединять» опасных людей и опасные материалы.

Универсальная классификация различий основана на том, что каждое различие (смысл), возникающее при противопоставлении пары терминов, в человеческом мышлении приобретает некоторые свойства:

1. Различие (смысл) всегда имеет позитивное содержание. Оно не может быть только негативным, так как, указывая на отсутствие у предмета некоторого свойства, оно должен указывать на наличие иного, противопоставленного свойства. Нельзя обнаружить отсутствие на фоне отсутствия, и этот фон должен быть явлен.

2. Отсюда следует необходимость выделять структурные уровни различия (смысла):

А. Полное различие — содержание противопоставления любых двух позитивных терминов (жизнь — смерть, свобода — рабство, радость — печаль, и т. д.).

Б. Четыре производных значения, получаемых по правилу перестановки из позитивных терминов уровня А. А именно 1 : 1 — выбор, предпочтение одного из терминов; 1 : 0 — утверждение первого, противопоставленное его отрицанию; 0 : 1 — утверждение второго на фоне его же отрицания; 0 : 0 — сочетание двух отрицаний этих терминов.

3. Различие, находящееся на уровне Б (зависимость — независимость, равенство — неравенство и т. п.), нельзя считать полным и исчерпывающим, а понимание его — достаточным. Для полного понимания данного различия следует выявить второй позитивный термин уровня А и получить все остальные значения группы Б, так как они могут быть актуализированы в процессе диалога без дополнительных пояснений, поняты и приняты собеседником.

4. Негативные термины типа «независимость», «необходимость», «неравенство» нельзя считать носителями собственных, самостоятельных разли-

чий (смыслов). Это третий уровень различия (С), то есть части значений полного различия. Для верной интерпретации подобных терминов необходимо выявление уровней Б и А.

Важность полного распознавания каждого данного (важного для нас) различия и активизации его маргинальных значений можно обосновать, обратившись к онтологии семантики. Онтологическое утверждение «Смысл есть различие, связь альтернативных, разнонаправленных понятий о данной вещи» противоположно и дополнительно другому: «Смысл есть однозначная связь между вещью и мыслью о ней». Первое является теоретической формализацией второго, а второе — образным выражением первого. Но формальная дополнительность базовых альтернатив кажется недостаточной и может быть развернута в содержательной дополнительности различных значений одного смысла. Дело в том, что, когда мы невольно подменяем точность «однозначностью значений» и стремимся дать единственное (по образцу Единого) толкование каждого понятия, мы обедняем данное понятие и подменяем его другим, кажущимся нам более «простым». В качестве примера рассмотрим понятие «свобода» в однозначных (взятых по отдельности) и многозначной трактовках его смысла в альтернативной паре свобода — зависимость.

Наиболее распространенных однозначных смыслов «свободы» три:

- 1) негативная свобода: от препятствий, зависимости, долга и т. д.;
- 2) позитивная (гегелевская) свобода как знание окончательной истины или ее части;
- 3) христианская (или западная) свобода выбора между добром и злом, партиями, сферами деятельности, товарами и т. д.

Сюда можно еще добавить кантовскую или ницшеанскую свободу, понимаемую как «внутренний закон», отсутствие внешней причины для поступка, самостоятельность Человека как ноумена, «самого по себе». Ее нельзя назвать полностью позитивной или негативной или свести к формальному выбору. Однако данный смысл кажется менее «осмысленным» и распространенным, чем остальные. Утверждение каждого из этих значений в обществе в качестве единственно верного приводит к конфликту с другими смыслами, разделяет общество на «согласных» и «протестантов», которые хотят не только мыслить, но и жить, реализуя другие смыслы понятия «свобода».

А теперь рассмотрим ось свобода — зависимость:

- 1) свобода — зависимость (смысл «или — или»);
- 2) свобода — несвобода;
- 3) независимость — зависимость;
- 4) независимость — несвобода.

В разных значениях (от 1-го к 4-му) мы видим развитие противоречия от логически наиболее «жесткого» к самому «мягкому». А также можем установить приблизительное соответствие трех «однозначных смыслов» 2-му, 3-му и 4-му значениям полного различия (смысла). Очевидно, что утверждение негативного смысла свободы (как «воли», открытого пустого пространства [22, с. 136] сводит ее к покою, бесцельности и безделью. Позитивная свобода сводима к знанию и рабской зависимости от этого знания, в некотором смысле она абсурдна, так как «знание» в других контекстах можно заменить такими понятиями, как «сила», «власть», «богатство» и т. д. Собственное свойство, «идея свободы» при этом исчезает. Четвертое же значение, как наиболее мягкое, утверждает некоторый базовый уровень свободы, оно принципиально неконфликтно с другими значениями. Это некоторый

«серый мир», где сама возможность Единства естественно обусловлена различием между почти одинаковыми частями, объединенными в совокупности: «все люди», «все мужчины», «все женщины», «все дети». Наличие «базового уровня» различий позволяет вырабатывать правила для этих совокупностей, такие как категорический императив И. Канта, но (пока) гораздо более низкие, «приземленные», и по соблюдению этих правил отличать человека от безумца, животного или автомата. В дальнейшем наличие и активизация четвертых значений наиболее важных смыслов может стать основой для выработки концепции «мирного сосуществования» человеческих взглядов и мнений вообще.

Эту систему распознавания различий нельзя считать полной, исчерпывающей все возможные различия и пути их выявления. Как и многие другие методы, она стремится выявлять различия в большинстве употреблений языка по отношению к содержательно внеязыковым, идеальным или материальным объектам. Слово «понимание» употребляется здесь автором в тривиальном смысле, отношение к нему, а также к другим рефлексивным, метаязыковым понятиям раскрывается ниже.

Практическое распознавание различий начинается с вопроса: «Как различить употребление в речи равенства в значении 1 от равенства в значении 2, 3 или 4?» Но прежде чем отвечать на этот вопрос, следует решить, все ли слова обладают четырьмя и более смыслами? К примеру, можно ли распознать все значения термина «распознавание»? Очевидно, что распознавание (понимание) может быть противопоставлено собственному отрицанию, но существует ли у него позитивный антоним? Скорее нет.

Незнание, непонимание не могут иметь позитивного содержания, а только (случайно) позитивные следствия, такие как отсутствие «помех» в виде знания некоторых устаревших теорий.

«Распознать распознавание», выявить все его основные смыслы, расположив их на семантических осях, не удастся. Три смысла понимания, наиболее часто встречающихся в литературе (однозначное понимание, интерпретация объекта или слова и межсубъектное взаимодействие [12, с. 45]) — текучи, переходят один в другой и говорят только о превращении чужой информации в свою. Хотя логически информация у меня может быть или не быть, но она не может быть «чужой». Это парадокс типа «больной доктор», который, подобно другим парадоксам, ничего не сообщает о себе.

Следует различать слова языка, говорящие о сути и свойствах вещей, отвечающих на вопрос: «Вещь такова или другая?» И другие, рефлексивные слова, отвечающие на вопрос: «Наше знание о вещах верно или нет?» — то есть несущие оценку наших знаний, представляющих метаязык в языке. Это такие понятия, как «понимание», «внимание», «знание», «распознавание», «сознание», «познание» и т. д. Почти все они имеют грамматические признаки, указывающие на включение во что-то иное, причастность к нему или на приближение к этому иному. Они не указывают на определенную суть или свойства предмета высказывания. Одновременно рефлексивные слова выражают сомнение, показывают неполноту или противоречивость наших знаний, замену старых знаний новыми и т. п. Это нормально и онтологически не парадоксально — заменять менее совершенное знание более совершенным, но парадокс происходит из-за включения метаязыка оценок свойств вещей в язык, говорящий об этих свойствах. Кроме того, в тексте эти слова могут употребляться не только в качестве оценок (что встречается чаще), но и в качестве неотъемле-

мых свойств объектов, субъектов и явлений. В этом качестве они уже могут приобретать свои позитивные антонимы и всю полноту различия (смысла). Будучи же употребленными в значении внешнего объекта, то есть когда мы пытаемся понять их смысл через специальную классификацию, оценки могут приводить к парадоксам типа «дырка от бублика». Когда бублик существует, существует и его дырка, когда же он съеден, куда она девается?

Рефлексивные, метаязыковые слова в языке также имеют некоторые семантические свойства: хотя они не несут в себе всю полноту различия (смысла) реальных свойств (уровень А), они подобны вторым и третьим значениям (уровень Б). Различие здесь не многозначно, а единственно: «быть или не быть», «истинно или ложно», «понимание или отсутствие понимания» и т. д. «Быть или не быть» — это не различие между действием и покоем, а скорее уже сделанный выбор: «Быть — и будь что будет». Небытие, ложь, отсутствие — неотъемлемый фон бытия, который бессмысленно «выбирать». В нем можно «исчезнуть», в случае ошибки или поражения. Чаще всего замена реальных свойств вещей их оценками с последующим «обсуждением истинности» этих оценок значительно сужает семантическое поле. Человек, выбравший подобную стратегию ведения переговоров, способен только доказывать свою «правоту» и не способен взглянуть на вещи иначе. Здесь нет ресурса маргинальных смыслов, которые можно активизировать и сделать основой для соглашений.

Следовательно, нельзя оценивать понимание и распознавание, хотя нужно использовать эти слова в общезначимом, тривиальном смысле. Возвращаясь от оценок к свойствам, нельзя достоверно сказать: «Я понимаю другого». Но можно: «Мы нашли с ним общий язык» (наши смыслы вещей совпадают или нет). Знание есть материя понимания [12, с. 121]. Знание как наличие свойств вещей, то есть содержание знания, можно оценивать (и не раз) по-разному, находить новые грани и смыслы, сравнивать «видение проблемы» друг друга. Целью нашего диалога будет одинаковое отношение к одним и тем же вещам, хотя пути к этому, обоснования и даже оценки могут быть различны.

Распознавание различий возможно на нескольких уровнях связности текста. На уровне высказываний и понятий распознать различие с помощью другого различия — значит дополнить его другим значением различия. Свойства каждого из значений одного смысла выявляются в тексте или диалоге, где происходит смешение значений (уровень Б) с последующим выяснением того, что имел в виду каждый из собеседников. Свойства значений можно представить и в общем смысле, как степени «сближения» противопоставленных понятий:

- 1) полная противоположность, выбор одного из двух;
- 2) «уступка» первого понятия — второму, так как первое противоречит уже не ему, а собственному отрицанию;
- 3) «уступка» второго — первому;
- 4) нахождение «золотой середины» между ними.

Второе и третье значения являются «уступкой» по сравнению с первым, хотя и кажутся внешне более «жесткими» по двум причинам: во-первых, отрицание собственной противоположности актуализирует эту противоположность, обращает на нее внимание, а во-вторых, каждое данное различие создается осью в целом, а не отдельным понятием, следовательно, смысл будет тяготеть к середине пары.

3. Различие на формально-языковом уровне фонем и лексем

Фонемы, по Н. С. Трубецкому [19, с. 39], есть то, с помощью чего и как именно различают смыслы. А их число в отдельных языках может косвенно указывать на различие семантических возможностей этих языков. То есть указывать, сколько различных смыслов может быть выражено данным языком, безразлично к содержанию этих смыслов. Выражение смысла осуществляется путем последовательных изменений в семантической цепи: фонема (сочетание звуков), сема (элементарный смысловый признак), лексема (сочетание нескольких смысловых признаков). При этом лексема первого порядка может выступать семой при образовании лексемы второго порядка.

На уровне сем и лексем можно рассмотреть пересекающиеся и иерархически связанные смыслы понятий (месть — суд — прощение, разлад — договор — производ) и постепенно перейти от смысла слова к смыслу высказывания. Рассмотрим связанные противоположности: реальность — иллюзия и объективность — субъективность. Комбинация двух противоположностей (полных смыслов) попарно дает восемь перестановочных вариантов. При этом общий смысл двух терминов — «объективная» и «реальность» — будет гораздо богаче, чем в случае его определения в качестве единого понятия конкретной (материалистической) философской теории.

1. Реальность — иллюзия; объективность — субъективность.
2. Реальность — не реальность; объективность — не объективность.
3. Иллюзия — не иллюзия; субъективность — не субъективность.
4. Не реальность — не иллюзия; не объективность — не субъективность.

Под реальностью мы обычно понимаем нечто устойчивое, постоянное, а под иллюзией — наименее устойчивые черты этой самой реальности, такие как тени Платона, выдумки писателей и художников, вероятность выигрыша в игре и т. д. Аналогично под объективностью обычно понимают общезначимость для всех людей, неоспоримость существования самого предмета диалога, тогда как под субъективностью — личный взгляд на этот предмет, оценку его отдельным человеком. Вторые значения этих понятий можно свести к оси важное — второстепенное, третьи — к противопоставлению возможного и интересубъективного невозможному и единичному (случайному). Четвертые выступают как чистая «объективная идеальность», или интересубъективность, знаний или культуры. Каждый из этих смыслов обогащает понятие об «объективной реальности».

Интересно рассмотреть неравноценность перевернутых метафор: высказывание «человек — волк» не равно высказыванию «волк — человек». По мнению М. Джонсона, метафора — такая характеристика действия, которая порождает инвариантность следования: «куст» возможностей вместо монизма логики. Перестановки и сочетания морфологически разных понятий (существительное — прилагательное, существительное — глагол и т. д.) также ведут к активизации «спящих» маргинальных смыслов. Так, в утверждении «Жить здесь можно, но только недолго. Жить недолго или недолго жить...» [16, с. 5] последнее противопоставление пар одинаковых, но переставленных слов вначале актуализирует три смысла на осях жизнь — смерть, часть жизни — вся жизнь и выживание (прозябание) — качественная, полноценная жизнь. Затем, с помощью перестановок, оригинальное высказывание из 11 слов актуализирует 9 полных смыслов или стратегий поведения в этой модели «особой» жизни. Смысл несводим к одному понятию, это движение

от одного к другому, это различие, преодолением которого становится само содержание (развертывание) этого смысла.

1. Жить недолго, но хорошо, а там — будь что будет.
2. Жить недолго, как-нибудь, а затем уехать (прожить часть жизни здесь).
3. Жить недолго, но по-своему, привычно, а потом (за это) можно и умереть.
4. Жить максимально долго — приспособиться к суровым условиям.
5. Жить, чтобы «обжить», приспособить к себе обстоятельства.
6. Жить полноценной жизнью — вопреки обстоятельствам.
7. Выжить сейчас, чтобы жить потом.
8. Выжить, чтобы победить смерть.
9. Выжить, чтобы полноценно жить потом.

После чего естественно возникает содержательный вопрос: как прожить полноценно ту часть жизни, в которой естественным кажется простое выживание и прозябание, где так легко умереть? Актуальным становится вопрос об условных и безусловных ценностях (равенства, свободы, дружбы, самостоятельности, личности и т. д.). Очевидно, мы не можем поддерживать постоянно благоприятных условий (хотя в них тем более многие из этих ценностей теряют свою «ценность», повседневное значение для людей, становятся этикетом, ритуалом). Но мы можем рассмотреть неблагоприятные условия «выживания» как условия, в которых нравственные ценности приобретают безусловную ценность. Это приглашение к языковой игре, в которой собеседники могут выбрать одну из стратегий и в процессе игры раскрыть свои цели и ценности, их иерархию и структуру. А победа в этой игре может показать слабые стороны стратегии проигравшего, подтолкнуть его к принятию другой стратегии, другого решения в реальной жизни.

ТЕОРИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ

1. Различие и противоречие

Вначале следует разграничить противоречия, относящиеся к сфере материального и «объективно-идеального» мира, от противоречий мировосприятия, то есть внутренней жизни языковой личности и отношений между этими личностями. Спор о «вещи» — от спора о ее конечном смысле «для меня» и «для всех». К примеру, многие русские славянофилы спорили с западниками о материальных путях преобразования общества и одновременно были едины с ними в оценке христианских идеалов, не допускали противоречия с ними [22, с. 310]. По аналогии с классификациями смыслов можно предложить классификации противоречий. В специальной классификации противоречий следует различать противоречия относительно некоторого факта (его существования, определения, отношения к нему, оценки) и системные противоречия обоснования мнения, доказательств, логики, онтологии (мировоззрения) человека. По мысли Г. Фреге, есть одна планета Венера, но множество «утренних и вечерних» звезд, то есть тех смыслов, которые она получает в той или иной культуре. Убедить другого в том, что существует планета Венера (или в необходимости рыночных реформ) легче, чем придать этим фактам те же смысл и значение (а значит, во многом обеспечить их успех), которые имеются в «родительской» культуре. Различия в оценке факта, мнении или обосновании мнения сами по себе не создают противоречия.

В универсальной классификации мы говорим о противоречии смыслов, за которыми уже ничего не может быть. Утверждаем их как предельный «факт мысли» (по Декарту). Противоречие — это отождествление собеседником данного смысла с другим, выраженным другой осью противоположностей. То есть в основе лингвистического противоречия лежит явная или скрытая омонимия высказываний. А основой разрешения противоречий может стать «разведение» ошибочного отождествления смыслов на подлинные семантические оси (смыслы) с последующим обменом данными смыслами между собеседниками. Также возможны противоречия соподчинения смыслов и противоречия смысловых мировоззренческих систем.

Предложу гипотезу: индивидуальных «идей», подобных тем, которые выделяли Платон, Аристотель, Кант, априорных «зачатков понятий», одинаковых у большинства людей, не так уж и много. Их число может составлять от сотен до тысячи. Смыслы, понимаемые как различие (семантическая ось, пара противопоставленных понятий), независимо от того, считаем ли мы их существующими до или после «идей», количественно будут находиться по формуле: $N \times N$. То есть: $1000 \times 1000 = 1\,000\,000$. Миллион смыслов. Если брать вместе с значениями, то это число следует умножить на 4. $1000 \times 1000 \times 4 = 4\,000\,000$. Четыре миллиона значений — это близко к числу слов (2—3 млн) в лексическом запасе каждого из наиболее распространенных языков Земли. Но это максимальное число, получаемое методом перестановок, то есть операцией «нисхождения» от идей к вещам и их свойствам. Возможен и обратный путь — «восхождения» к идеям, их собственным смыслам. Этих «базовых» смыслов оказывается совсем немного: $N \times 2$, если считать каждую идею «осмысленной», или $N : 2$, если идеи принадлежат смысловым осям. То есть от 500 до 2000. Можно создать методы для их однозначной передачи (как внутри одного языка, так и в межъязыковом общении) от одного человека другому, что обеспечит преодоление омонимии высказываний. А так как предполагается, что все идеи изначально есть у каждого человека, то проблема передачи, обмена смыслами будет сведена к проблеме их распознавания и актуализации.

Смыслы разного уровня могут возникать и благодаря порождению метаязыков (оценок, отношений, измерений) в языке. Так как язык стремится в одном высказывании выразить один тип отношений между двумя объектами, происходит свертывание высказываний по этой схеме. В языке, к примеру, мы можем говорить о сущности и существовании, большом и малом, количественном и качественном, жизни и смерти, но эти противопоставления «снимаются», когда мы переходим к метаязыковым понятиям размера, меры, времени, пространства и т. д. То, что по Гегелю может называться «диалектическим синтезом», это переход на другое смысловое поле и разрыв с прежним полем, хотя «базовые смыслы» у них могут быть одни и те же. Понятие «родной дом» можно интерпретировать, уточнять географическими терминами, но при этом оно не принадлежит географии. Объем настоящей статьи не позволяет нам дать развернутые примеры ошибочного отождествления смыслов, их противоречивого соподчинения, противоречия мировоззренческих систем.

Библиографический список

1. *Вежбицкая А.* Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М., 2001.
2. *Горский Д. П., Ивин А. А., Никифоров А. Л.* Краткий словарь по логике. М., 1991.

3. Греймас А.-Ж. Структурная семантика. М., 2001.
4. Делез Ж. Различие и повторение. М., 1998.
5. Демидов В. Е. Как мы видим то, что видим. М., 1979.
6. Дмитриевская И. В. Текст как система. Иваново, 1985.
7. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. Л., 1977.
8. Кант И. Критика чистого разума // Соч. : в 6 т. Т. 3. М., 1964.
9. Кобрицов Б. П. Модели многозначности русской предметной лексики : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.
10. Кудряшова Т. Б. Онтология языков познания. Иваново, 2005.
11. Куликова И., Салмина Д. Введение в металингвистику. СПб., 2002.
12. Лайонз Д. Лингвистическая семантика. М., 2003.
13. Леви-Строс К. Первобытное мышление. М., 1994.
14. Микешина Л. А. Философия познания : полемические главы. М., 2002.
15. Непейвода Н. Н. Прикладная логика. Новосибирск, 2000.
16. Петряков Л. Д. Парус над старой баржей // Золотое кольцо. Ярославль, 1999. 15 февр.
17. Серкин В. П. Методы психосемантики. М., 2004.
18. Титаренко А. В. Антиидеи. М., 1982.
19. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 2000.
20. Философия языка / под ред. Дж. Р. Серла. М., 2004.
21. Целищев В. В. Петров В. В. Философские проблемы логики. М., 1994.
22. Шаповалов В. П. Основы философии : от классики к современности. М., 2001.
23. Шуцкий Ю. К. Китайская классическая книга перемен. М., 1993.
24. Эко У. Отсутствующая структура. М., 1998.

ББК 87.6:20.1

Г. С. Смирнов

БИОСФЕРНО-НООСФЕРНЫЕ АТТРАКТОРЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДА ИВАНОВА

Одной из самых существенных задач интеллектуального регионального сообщества является постоянная работа над перспективными планами всестороннего развития материального и духовного пространства, экономических и интеллектуальных ресурсов соответствующей территории субъекта Российской Федерации. Никто не знает лучше особенности исторического, технического, экологического, демографического, образовательного, культурного, духовного состояния области, нежели университетское и академическое сообщество, вовлеченное в постоянную дискуссию с региональной и местной властью. В настоящее время, как и раньше, региональное властное и бизнес-сообщество недооценивает возможности регионального коллективного разума, предпочитая сложным дискуссиям о судьбе области и поискам способов тонкой подгонки оптимизации потребного будущего простые, хотя в десятки раз более дорогие проекты федеральных структур, быстро скроенные под заказ и в угоду подчас сиюминутным и весьма эгоистическим интересам. Проблема *органичного* соотношения центрально-федерального и местно-регионального, в известной мере доставшаяся от советского планового прошлого, до сих пор не нашла своего организационно-управленческого

© Смирнов Г. С., 2009

• Серия «Гуманитарные науки»

решения, хотя следует признать, что для современного глобализирующегося общества именно она может оказаться фактором успешного выживания в условиях интенсивно меняющейся и становящейся все более агрессивной среды. Императив инновационных обществ в XXI веке — *умная власть* на всех уровнях как государственных, так и общественных структур, обеспеченная современными методологическими, организационными и информационными ресурсами. Думается, что эта задача в настоящее время может быть решена в значительной степени интегративными процессами сопряжения организации и самоорганизации, управления и самоуправления в общественной системе региона, и прежде всего кооперацией властного и университетско-интеллектуального ресурсов. К сожалению, эти процессы в нашей области находятся в начальной стадии своего развития. Со стороны власти существует известное недоверие к возможностям регионального научно-образовательного кластера, а со стороны университетского сообщества имеет место недоверие к усилиям государственных органов, которые явно демонстрируют модели поведения «административно-чиновничьих» структур.

За последние годы в области обнаружили себя некоторые шаги в направлении разработки программ «нового поколения», но, к сожалению, пока этот процесс не вышел на уровень широких научно-практических конференций, которые бы выявили самые болевые точки регионального хронотопа и раскрыли альтернативные пути устойчивого развития области.

Впрочем, следует признать, что опыт городской администрации по разработке программ развития города на перспективу до 2020 года оказался достаточно успешным, если не в результативной части, то хотя бы в организационной. Этот процесс необходимо совершенствовать, ибо именно для Ивановской области (в силу очень значительного образовательного потенциала) он способен быть достаточно продуктивным и инновационно-эффективным.

Экологическое развитие любого региона уже в самое ближайшее время может оказаться доминирующим фактором социально-экономического развития вследствие того, что кризисность антропологической составляющей в условиях социоприродной деградации достигает тревожного максимума не только в нашей стране, но и во многих других (благополучных) странах. Представленные ниже материалы подготовлены в рамках сотрудничества с группой ученых-экономистов под руководством профессора Б. Д. Бабаева [1, 3, 22]. Опыт размышления о возможных путях «ноосферной сукцессии» может быть полезным, даже если на первый взгляд он кажется далеким от непосредственных и конкретных задач текущего момента.

Преамбула

Создание проекта экологического развития города предполагает формирование коллектива специалистов различных областей знаний для обеспечения комплексного подхода и сопряжения усилий в деле *оптимизации и гармонизации экологической среды* обитания. Программы экологического развития должны включаться в проекты экономического и социального развития для достижения *коэволюционной стратегии* развития города. Экологические программы развития города могут стать доминантой для обеспечения устойчивого регионального развития.

В основе *экологической муниципальной политики* должна лежать стратегия народосбережения по линиям здоровьесбережения, оптимизации (ко-

эволюции) взаимодействия общества и природы, создания духовно-информационного пространства, отвечающего национальным интересам страны и тенденциям глобального (ноосферного) развития.

При разработке стратегии экологического планирования и моделирования целесообразно учитывать все ранее предлагаемые общественностью города проекты, а также предложения и рекомендации региональных, российских и международных научных конференций, посвященных экологическому развитию региона. Экологическое развитие неотъемлемо от выбранной стратегии экономического и социального развития, которые всегда ранее рассматривались властно-государственными структурами как приоритетные. Учитывая такое положение, следует определить этап, в рамках которого экологическое развитие станет доминирующим фактором при составлении региональных программ устойчивого развития. (Очевидно, условия для этого могут созреть к пятилетке 2016—2020 гг.)

Необходимо принимать во внимание, что реализация *стратегии устойчивого развития* всегда предполагает взаимодополняющие и взаимоподдерживающие хозяйственно-экономические направления развития и реальные возможности смены его доминанты. Так, например, устойчивость текстильного кластера требует выстраивания определенной оптимальной пропорции между, во-первых, концептами «лен», «хлопок», «смесовые ткани», «ткани из искусственных волокон», во-вторых, масштабами прядильного, ткацкого и швейного производств. (Как видно из существующего состояния, такая пропорция в настоящее время далека от совершенства как по первому, так и по второму параметру.)

Программы «Лен» и «Эко-тек-стиль» могут рассматриваться в качестве системообразующего свойства не только города Иваново-Вознесенска как текстильной столицы России, но и всего ивановского региона [7].

Стратегия регионального устойчивого развития города предполагает опору на «*Научную основу стратегии устойчивого развития Российской Федерации*», а также использование опыта других регионов (субъектов) страны.

Центральной задачей разработки планов экологического развития города являются стратегия *демографической оптимизации* и применение современных *здоровьесберегающих технологий* [9, 10, 18, 23].

При составлении региональных программ развития провинциальных территорий следует учитывать их *принципиальное* отличие от столичных программ как в стратегическом, так и тактическом плане. Развитие депрессивного региона не должно быть связано с проектами, заведомо наносящими значительный экологический ущерб городу.

Рассматриваемый период до 2020 года может быть разбит на три этапа: 1) антропоэкологическое и социально-экономическое оздоровление, ноосферно-экологическое проектирование регионального развития (2008—2010 годы); 2) пятилетка ресурсосбережения, технико-экономического обновления (2011—2015 годы); 3) пятилетка перехода к комплексному ноосферно-экологическому устойчивому развитию и реализации высоких промышленно-информационных (hi-tes) и высоких гуманитарных (hi-hum) технологий (2016—2020 годы).

Необходимо восстановить *организационные структуры* (при Правительстве области и Администрации города), ответственные за разработку стратегии устойчивого развития. К созданию комплексной программы экологического устойчивого развития целесообразно привлекать все вузы и институты с определением приоритетной области научных разработок.

Имеет смысл разбить каждый раздел в программах экологизации регионального развития на подпрограммы, выделив соответственно традиционные экотехнологии, инновационные экотехнологии и экологические новации («фьючерные технологии»).

Главные направления экологического развития города должны определяться на основе широкого общественного обсуждения среди населения города, а конкретные и частные задачи целесообразно решать на основе создания творческих коллективов и использования опыта специализированных или профессиональных институтов.

Для равноправного осуществления конкурсного отбора следует устроить в городской Администрации презентации старых и новых проектов развития города.

К числу *основных направлений осмысления экологического развития города*, на наш взгляд, необходимо отнести: 1) перспективные научно-исследовательские проблемы; 2) конкретные программы городского экологического развития; 3) конкретные проекты экологического развития городской среды и ноосферного развития городского населения; 4) дальнеперспективные проекты.

Перспективные научно-исследовательские проблемы

В «Концепции развития области до 2020 г.» в числе других направлений за основу взята *«реализация принципа устойчивого развития*, основанного на сбалансированности экономических, социальных и экологических приоритетов развития региона и их соответствии целям федерального Правительства» [11]. Однако в самом тексте в достаточной полноте экологический компонент не представлен, очевидно, в силу того, что главными в эпоху предкризисной эйфории считались социально-экономические приоритеты. Как оказалось, «потенциальный позитив от кризиса концентрируется на макроуровне, а негатив соответственно — на микро-, то есть на уровне отдельного человека и региона его проживания» [19, с. 13]. В настоящее время поиск адекватных возможностям области и областного центра экологических аттракторов — существенно важная задача осмысления тенденций развития области в биосферно-ноосферной антропоориентированной парадигме [12—17, 20].

В систему *перспективных научно-исследовательских проблем* экологического устойчивого развития региона и его столицы, на наш взгляд, могут быть включены следующие.

1. Философско-методологические аспекты модели городского устойчивого развития. Современный город представляет собой сложную социоприродную, антропотехническую, духовно-материальную систему, которую в ноосферологии принято называть «нообиогеоценоз» (биосферно-ноосферная система), поэтому необходимо формулировать *основные принципы* устойчивого экологического развития города в ближней, средней и дальней перспективах, а также аттракторы (ожидаемые результаты) экологического развития.

Важнейшим методологическим принципом осуществления экологического проектирования городской среды должен стать принцип постоянного мониторинга ее изменения и появления новой информации об исторической среде обитания.

2. Обзор проектов городского экологического развития периодов социализма, перестройки и постсоветского времени. В период советского и постсоветского времени были созданы разнообразные (и в том числе разно-

парадигмальные) программы развития города. Многие из предложений до настоящего времени сохраняют свою актуальность и могут быть использованы при составлении современных планов регионального и муниципального устойчивого развития.

3. Методология комплексного подхода к решению проблем устойчивого развития города. Методология разработки программ устойчивого развития города предполагает сопряжение ее с региональными проектами устойчивого развития. Для этого существенно важно использовать уже наработанный опыт и собранную информацию (базы данных), касающиеся региона [2, 14].

Необходимо обеспечить радиально-кластерную структуру формирования городской экологической среды, предполагающую вынос промышленности из исторического и экоантропологического (демонаселенческого) центра города с выстраиванием векторов (в соответствии с существующей розой ветров) пригородного (дачного) рекреационного и промышленного загородного освоения.

4. Экология городской культуры. Создание оптимизированной и гармонизированной провинциальной экологической среды обитания существенно отличается от формирования столичной среды императивами и логикой хронотопов «малого города». Провинциальную среду в условиях меньшего действия финансовых и экономических рычагов разрушения исторической среды значительно проще отстоять общественному мнению и здравому смыслу населения города. Стратегия экологического развития города с населением 400 000 человек предполагает полноформатный учет исторических и социокультурных особенностей, сложившихся в последние 200 (и даже 300) лет.

Особенность города Иванова заключается в том, что на протяжении последнего столетия городская среда претерпела такие кардинальные изменения, что необходимо искать нестандартные и нетрадиционные способы воссоздания форм прежнего исторического бытия. Думается, главной стратегией ревитализации городской среды должна служить модель «локального оживления» исторического времени и пространства. Примером может служить восстановление бурылинского пространства Иваново-Вознесенска. Такого рода исторические локусы могут создать то разнообразие окружающей среды, которое оживит мозаику городского пространства. К их числу следует отнести разновременные экспозиционные формы (усадебный быт, конструктивизм, пространство пролетарской культуры и т. д.).

Отметим, что необходимо сохранить разнообразие усадебных типов: одно дело музейно-усадебное пространство, созданное Д. Г. Бурылиным в начале XX века, совсем другое — небольшие усадьбы начала или середины XIX века. Очень важно для формирования культурно-экологической среды провинциального промышленного города провести *культурно-историческую и археолого-архитектурную инвентаризацию* сохранившихся городских ценностей и раритетных объектов.

5. Экологизация сознания и деятельности населения города. Это одна из самых сложных проблем, для решения которой в Ивановской области делалось достаточно много в теоретическом и практическом плане. Примером организационно-теоретического решения экологических образовательных проблем на ближайшую перспективу может служить разработка областной программы экологического образования населения Ивановской области [4, 5].

6. Краеведческие аспекты гармонизации городской среды. Иваново-Вознесенск — уникальный город, обладающий разновременными культурно-историческими хронотопами, с особым уклоном в сторону советского

конструктивизма. Образ «советского города» в лице города Первого Совета может оказаться важным брендом историко-культурного характера.

7. Эстетико-художественные проблемы формирования городской ноосферной среды. В настоящее время отсутствует всесторонний контроль за сохранением в неприкосновенности уникальных исторических и культурных памятников города. Из более чем сотни объектов, отнесенных к этой категории, не осталось ни одного в аутентичном состоянии. Необходимо создание городской архитектурной Красной книги с целью сохранения и восстановления объектов высокой эстетической и художественной ценности.

8. Техно-производственные угрозы экологическому здоровью города. Решение данной проблемы подразумевает продолжение работы по освобождению города от загрязняющих его экологическую среду промышленных объектов (например, выведение промышленных объектов из акватории реки Уводи).

9. Психологические и семиотические аспекты создания здоровой экологической среды. Оптимальное функционирование населения связано с особенностями его психологического развития, в значительной степени зависящего от всей системы мировоззренческих составляющих. Создание условий для сохранения исторической памяти коренного населения города предполагает изменение этимологической, семиотической и рекламной политики.

10. Информационные и управленческие аспекты развития городской экологической среды. Центральная проблема обеспечения устойчивого развития — высокая информационная и управленческая культура государственного и муниципального управления. На базе ивановских вузов и филиалов вузов целесообразно создание образовательных структур, обеспечивающих подготовку и переподготовку соответствующих кадров.

Конкретные программы городского экологического развития

Программа **«Возвращение городу исторического имени Иваново-Вознесенск»**. Логика региональной культурной традиции и российский опыт «возвращения имен» предполагают возможность создания условий до 2011 года (140-летие города Иваново-Вознесенска) для переименования города.

Программа **«Эко-тек-стиль»**. Промышленным и инновационным трендом текстильной столицы России может стать разработка экологически ориентированной продукции со всем комплексом стратегий создания новых текстильных технологий и текстильного дизайна («Эко-тек» и «Мода-тек-стиль»). Особое возможное направление программы — создание «стиля валеологической одежды», использующей современные технологии для профилактики заболеваний и улучшения состояния здоровья населения.

Программа **«Мониторинг здоровья населения как важнейший показатель качества окружающей среды»**. Увеличение темпов развития региона может быть достигнуто не только за счет демографического роста, но прежде всего за счет повышения производительности труда и эффективности использования трудовых ресурсов. Мониторинг здоровья населения города — важнейшее условие реализации национальной программы «Здравоохранение».

Программа **«Экологическое и ноосферное образование и воспитание городского населения»**. Созданная и действовавшая до 2007 года программа экологического образования населения может быть переработана в соответствии с новыми условиями развития города и края в целом на более длительный период (до 2015 и 2020 года).

Программа *«Учебные программы по проблемам устойчивого (экологического) развития для специалистов государственного и муниципального управления»*. Опыт подготовки специалистов экологического профиля имеется практически у всех вузов и филиалов вузов города и области, поэтому необходимо создание кадровой стратегии экологического развития города.

Программа *«Кадровое обеспечение регионального устойчивого (экологического) развития»*. Данная программа включает определение приоритетных экологических специальностей, необходимых для *экоэкологического (экология + экономика = экоэкология) проектирования* (в том числе имеющихся в регионе) развития города в экономической, экологической, социальной и культурной сферах жизни общества.

Программа *«Городской (муниципальный) транспорт: экологические параметры и реальные показатели»*. Программа предполагает создание условий для перевода городского муниципального транспорта на виды альтернативного топлива (прежде всего электричество).

Программа *«Сохранение и восстановление природных ресурсов города»*. Главная задача по экологическому развитию города на данный момент связана с выработкой стратегии по всеобщему ресурсосбережению и утилизации всех видов городских отходов. При этом следует учитывать, что самые важные ресурсы города в экологическом отношении это воздух и вода.

Программа *«Переработка промышленных и бытовых отходов»*. Программа предусматривает разработку оптимального решения вопросов утилизации промышленных и бытовых отходов и подготовку территорий для строительства мусороперерабатывающих предприятий, а также создание условий для обеспечения диверсификации мусора как ресурса (пищевые, бытовые, промышленные, опасные и другие отходы).

Программа *«Городские родники и колодцы»*. Осуществление регистрации городских колодцев и мониторинга чистой колодезной питьевой воды в городе и ближних пригородах для обеспечения ею жителей города является важнейшей социально-экологической задачей.

Программа *«Чистый воздух городу»*. Программа предполагает организацию контроля (мониторинга) за традиционными загрязнителями городского воздушного пространства (автомобильный транспорт) и вновь появившимися загрязнителями в центре города (системы общественного питания, кафе рестораны), разработку правовой базы обеспечения подобных предприятий экологическим оборудованием, а также создание систем постоянного визуального знакомства с показателями загрязнения воздуха в самых экологически опасных точках города (пл. Пушкина, пространство на Б. Шереметевской улице возле ИГМА, ИГХТУ, ИГТА; перекресток улиц Тимирязева и Ермака возле ИвГУ и другие экологически опасные точки).

Программа *«Экономия и сохранение водных ресурсов»*. Программа направлена на создание условий для полного охвата счетчиками воды всех городских потребителей. Для ускорения процесса следует экономически просчитать возможность осуществления проекта по схеме «счетчик — потребитель, установка — МПЖХ». Учитывая 30 %-ное перепотребление воды в городе, даже такой вариант быстро окупит себя, если стоимость установки счетчика будет адекватна затратам.

Программа *«Экологическая безопасность города»*. Эта программа предполагает создание листовок, наглядных материалов и брошюр для широкого слоя горожан с целью формирования системы мотивированных дей-

ствий во всех сферах жизнедеятельности, а также организация системы контроля за чистотой городского общественного транспорта и мест общего пользования, в том числе дворов и парков.

Программа «*Чистая вода для яслей, школ, вузов*». Хлорированная вода должна быть выведена за рамки питьевого использования. Раньше во всех учреждениях стояли баки с питьевой водой. Эта традиция в ее новых формах должна быть реализована в образовательных и медицинских учреждениях (как это сделано во многих аптеках и некоторых учреждениях города) бесплатно для всех учащихся и пациентов.

Программа «*Правовое обеспечение экологического устойчивого развития малого и среднего города*» (создание и широкое общественное обсуждение проектов правового обеспечения экологического благополучия города).

Программа «*Фитодизайн города: проективные разработки и кадровое обеспечение*» (формирование перечня основных и первоочередных объектов благоустройства, в том числе создание типовых проектов фитодизайна дворовой территории в районах типичной и индивидуальной застройки).

Программа «*Уникальные городские архитектурно-ландшафтные комплексы и смотровые площадки*». Развитие программ экотуризма в области потребует аккредитации архитектурно-ландшафтных зон, расположенных на территории города (например, в Парке Степанова, Парке имени 1905 года), а также создания смотровых (в том числе высотных) площадок.

Программа «*Школьные экологические хронотопы и тропы*». При каждой школе имеется достаточно большая прилегающая территория, которая чаще всего находится в очень запущенном состоянии. Создание благоприятной экологической среды на пришкольной и во внутришкольной территории предполагает муниципальное регулирование (в том числе правовое и экономическое) и привлечение участия учительского коллектива вместе с родителями и школьниками.

Программа «*Информационное обеспечение развития городской экологической среды*». Задача программы — на основе геоинформационных технологий создать постоянно обновляющуюся информационную среду, которая позволит любому жителю города определиться с особенностями своего экосуществования и осуществления личного (семейного) экобезопасного проживания.

Программа «*Грантовая поддержка экологического развития города*». Осуществление программ устойчивого развития города предполагает регулярную грантовую поддержку исследовательских проектов на конкурсной основе.

Конкретные проекты ноосферно-экологического развития городской среды и населения

Формирование кластера экологических (в том числе виртуальных, компьютерных) карт города. К числу таких карт (как общегородских, так районных и локальных) следует отнести карты зон промышленного загрязнения, зон автомобильного загрязнения, районов повышенной электромагнитной опасности, а также архитектурно-экологической и эколого-культурной среды.

Ежегодные экологические конференции. Для постоянной апробации экологической ситуации и перспектив экологического развития города целесообразно проводить ежегодные экологические конференции [25—28]. (Пример-

ная проблематика: муниципальная экологическая политика: стратегия и тактика устойчивого развития города; экологические приоритеты развития города: взгляд управленцев, специалистов, общественности; городская среда обитания: совершенствование и ноосферно-экологическое развитие; главные средовые опасности: проблемы мониторинга; здоровье города и здоровье населения.)

Сетевая экологическая структура города. Пространство города предполагает различные формы экологической сопряженности локусов загрязненности и экологической безопасности. Очень важно так спланировать соотношение этих территорий, чтобы рекреационные районы были вблизи загрязненных неблагоприятных зон. Целесообразно вновь обратиться к проекту «Парковая зона реки Уводи», который был создан в 20-е годы XX века применительно к пространству Иваново-Вознесенска. «Синусоида реки» может рассматриваться как ствол обеспечения экологического благополучия города.

Музеи Иваново-Вознесенска как сетевая структура. Разработка сети взаимосвязанных по тематике и экспозиционному содержанию малых музеев (в школах, вузах, государственных структурах и муниципальных образованиях) под эгидой государственного регионального музея «Иваново-Вознесенск — текстильная столица России» [21].

Школьно-вузовский образовательный центр регионального экологического развития. На базе биолого-экологического центра при поддержке **всех вузов города** целесообразна организация координационного центра экологического воспитания и образования школьников и студентов.

Создание пешеходных троп и пространств в городской среде. Как показывает опыт других городов, создание пешеходного пространства в историческом центре города является необходимым историко-культурным императивом, имеющим как экскурсионное, так и образовательное значение.

«Золотая книга» экологических (природных, социоприродных, культурно-экологических) объектов города. В данной книге необходимо отразить те существенно важные экологические объекты, которые в течение долгого времени определяли экологическое здоровье города, и эта динамика продолжает оказывать свое воздействие. Целесообразно включить в данную книгу и утраченные объекты, восстановление которых должно рассматриваться как приоритетная задача.

Зоны экологического комфорта в искусственной среде обитания. Наиболее значимыми зонами, требующими серьезного внимания общественности, являются локусы образовательного пространства — школы, техникумы и вузы.

Создание бульвара Кокуй с реализацией проекта ревитализации ручья Кокуй. В настоящее время территория ручья Кокуй представляет собой невыразительную асфальтовую площадку. В действительности это может быть одна из самых оригинальных зон центра города, если осуществить организацию вводно-фонтанного пространства и создать эстетическую рекреационную территорию с учетом ежегодного проведения новогодних праздников, а также главных городских молодежных мероприятий. Площадь Пушкина довольно экозагрязненная территория, поэтому передвижка зоны студенческого отдыха может оказаться весьма востребованной, к тому же следует принять во внимание превращение города в региональный студенческий мегаполис. Этот проект не станет дорогостоящим, но придаст центру города новое лицо.

«Черная книга» города. Проект предполагает выявление самых неблагоприятных точек города (объектов с отрицательной экологической динамикой).

кой). Сюда же можно отнести «испорченные объекты» культурно-исторической значимости. Примером деградации памятника может служить уникальный особняк на площади Революции, фасад которого изуродован двусторонней лестницей (магазин «Обувь»), а окна фактически потеряли эстетику «старой лепнины».

«Музейная среда города». Одна из существенно значимых сфер урбо-экологии — экология культуры. Эффективное воспитание и образование возможно лишь в условиях профессионально организованной внешней и внутренней историко-культурной среды. Внутренняя среда предполагает проектирование и создание сети специализированных музеев при школах, вузах, административных и государственных органах, общественных организациях. С точки зрения ноосферной безопасности духовный компонент городского бытия должен рассматриваться как главный фактор устойчивого развития.

Городской экологический сайт «Городская среда обитания: совершенствование и развитие». В ближайшее время администрации города не удастся создать профессиональный мониторинг окружающей среды в силу значительных затрат, но методика экологического воспитания и образования предполагает включенность населения в «обыденную оценку» состояния окружающей среды, обеспечение условий для участия горожан в улучшении экологической ситуации в городе. Постоянный мониторинг общественного мнения по поводу состояния и охраны окружающей среды, муниципальной экологической политики — важная задача городской администрации.

Предлагаемый комплекс мер по оздоровлению городской среды обитания лишь в первом приближении охватывает ту сложность социоприродной коэволюции, с которой сталкивается региональное сообщество в условиях глобализации. Однако как модель перспективного опережающего отражения он может быть истоком кооперативного экологического размышления и действия для различных государственных и общественных структур. В этом плане уже сейчас необходимо продумывать дальнеперспективные проекты социально-экологического развития области в контексте создания нового качества человеческих ресурсов.

Дальнеперспективные программы и проекты

Дальнеперспективные проекты формируются в связи с основными аттракторами ноосферного устойчивого развития региона. К их числу можно отнести следующие.

1. Экологическая паспортизация всех значимых техноэкономических, социально-экологических и культурно-экологических объектов на территории города.

2. Проект «Региональные технологии ноосферного устойчивого развития» («Ноофест» — Ноосферный фестиваль для студентов областей ЦФО).

3. Экологическое сертифицирование сети рекреационных территорий (городские и пригородные парки и другие объекты, связанные водными артериями города).

4. Создание системы экологического консультирования населения (в том числе по позиции «экологический участковый врач»).

5. Создание на основе геоинформационных технологий всеобщего кадастра социоприродных объектов.

6. Создание сети муниципальных лабораторий для комплексного эко-

логического тестирования (радиологического, химического, бактериологического, электромагнитного и другого контроля) имеющихся, привозимых и производимых продуктов, предметов потребления, материалов и т. д. с целью обеспечения населения возможностями экологического контроля качества индивидуальной (близкой) среды обитания (индивидуальные экологические «пограничные заставы»).

Региональная, местная и индивидуальная экологическая политика и технология в условиях обострения средовых проблем постепенно окажется в центре внимания как государственных и муниципальных органов, так и отдельных граждан: в стране кристаллизуется новое экологическое сознание, характеризующееся не столько общественно-идеологическими императивами, сколько личностно и семейно ориентированными экологическими ценностями. Такая «человеческая революция» уже сейчас на повестке дня.

Р. S. Основной материал этой статьи был подготовлен в докризисный период. Однако, несмотря на мировой системный кризис и глобальный прессинг на экономическую, социальную, экологическую и культурную сферы жизни российского общества, на наш взгляд, предлагаемые подходы становятся только более актуальными для формирования современного регионального управленческого сознания и стратегии развития региона в рамках глобальных угроз.

Библиографический список

1. Берендеева А. Б. К разработке стратегии развития города Иванова: социальный аспект // Научно-исследовательская деятельность в классическом университете: ИвГУ—2008. Иваново, 2008. Ч. 2 : Общественные науки.
2. Биосферно-ноосферный центр в классическом университете: региональные проблемы устойчивого развития / В. Н. Егоров, В. А. Исаев, В. И. Назаров, Г. С. Смирнов // Состояние и проблемы развития гуманитарной науки в центральной России : тр. 5-й регион. науч.-практ. конф., 26—27 мая 2004 г. Калуга, 2004.
3. Боровкова Н. В., Медведева М. В. К вопросу об образовательном и рекреационном потенциалах Ивановской области // Научно-исследовательская деятельность в классическом университете: ИвГУ—2008. Иваново, 2008. Ч. 2 : Общественные науки.
4. Исаев В. А. Экологическое образование населения как фактор ноосферного развития : (на примере Ивановской области) // Реалии ноосферного развития. М., 2003.
5. Исаев В. А. Формирование культуры взаимоотношений природы и человечества. Иваново, 2005. Ч. 1 : Естественнонаучные грани природолюбия.
6. Историко-географический атлас Ивановской области. Иваново, 2007.
7. История отечественной текстильной промышленности / М. В. Конотопов, А. А. Котова, С. И. Сметанин, С. И. Сметанина. М., 1992.
8. Материалы III съезда краеведов Ивановской области. Иваново ; Шуя, 2008. Т. 1—3.
9. На пути к устойчивому развитию России : навстречу Всемирному саммиту в г. Йоханнесбурге : сб. ст. М., 2002.
10. Научная основа стратегии устойчивого развития Российской Федерации / Г. Н. Селезнев, В. Б. Христенко, М. Ч. Залиханов и др. // Безопасность Евразии. 2001. № 4.
11. О проекте концепции социально-экономического развития Ивановской области до 2020 года : распоряжение Правительства Ивановской области от 17.12.2007 г. № 474-ПП. URL: <http://www.adminet> (дата обращения: 13.01.2010).
12. Оценка эффективности регионального природопользования / А. Я. Смирнов, Б. И. Кочуров, Н. И. Коронкевич, Н. Ф. Глазовский // Региональные и муниципальные

- пальные проблемы природопользования : материалы 9-й науч.-практ. конф., Киров, 6—8 сентября 2006 г. Кирово-Чепецк, 2006. Ч. 1.
13. I Международная научно-техническая конференция «Актуальные проблемы химии и химической технологии» (Химия—97). Секция D : Региональный семинар «Экологические проблемы Верхневолжского региона. Условия перехода к устойчивому развитию» : тез. докл. Иваново, 1997.
 14. Региональная модель устойчивого развития как результат комплексных ноосферных исследований / В. Н. Егоров, В. А. Исаев, В. И. Назаров, Г. С. Смирнов // Природа и человек : материалы IV науч.-практ. конф. «Природа и человек. Антропогенное воздействие на окружающую среду», Иваново, 23—24 ноября 2005 г. Иваново, 2005.
 15. Региональное устойчивое развитие : новое видение проблем : материалы науч.-практ. конф., Иваново, 11 мая 1999 г. Иваново, 2000.
 16. Региональное устойчивое развитие : комплексные биосферно-ноосферные исследования, проектирование и реализация : материалы науч.-практ. конф., Иваново, 22—24 ноября 2006 г. Иваново, 2007.
 17. *Ретеюм А. Ю.* Регионы страны в свете концепции устойчивого развития. Ч. 2 // Проблемы региональной экологии. 2005. № 5.
 18. Россия на пути к устойчивому развитию. М., 2003.
 19. *Семенов В.* Имя им регион : как проявит себя каждая отдельная территория // Независимая газ. 2009. № 1.
 20. *Смирнов Г. С.* Региональное ноосферное устойчивое развитие : (об истоках и путях развития Ивановской области) // Гуманитарные аспекты профессионального образования: проблемы и перспективы : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 40-летию Ивановского института ГПС МЧС России. Иваново, 2006.
 21. *Смирнов Г. С.* Музейное пространство Замосковского края: региональный сетевой мегапроект // Материалы III съезда краеведов Ивановской области, Иваново, 18 апреля 2008 г.; Шуя, 19 апреля 2008 г. Иваново ; Шуя, 2008. Т. 2.
 22. Территориальный ресурс как научная и практическая стратегия / Б. Д. Бабаев, Н. В. Боровкова, И. В. Курникова, М. В. Медведева, М. Е. Мусллова // Научно-исследовательская деятельность в классическом университете: ИвГУ—2008. Иваново, 2008. Ч. 2 : Общественные науки.
 23. *Урсул А. Д.* Переход России к устойчивому развитию. Ноосферная стратегия. М., 1998.
 24. *Черкасский В. М.* Экология духа и становление ноосферы // Ноосферная парадигма образования: от лица к университету. Иваново, 1997.
 25. Экология человека и природы : тез. докл. I Междунар. конф. Иваново, 1997.
 26. Экологические проблемы в Ивановской области : тез. докл. науч.-практ. конф., 20—21 мая 1986 г. Иваново, 1986.
 27. Экологические проблемы Ивановской области : тез. докл. науч.-практ. конф., 15—16 декабря 1987 г. Иваново, 1987.
 28. Экологические чтения : тез. докл. Иваново, 1991.

Г. С. Смирнов

ПЕРВЫЙ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКИЙ ФИЛОСОФ (К столетию профессора Николая Павловича Антонова)

Современная Ивановская область в значительной степени территориально связана с тем региональным пространством, которое издавна называлось «Замосковский край», геополитически — это своеобразный медвежий угол, где таились не только люди, но — главное — идеи, которые по каким-либо причинам не могли прижиться в стольном городе Москве. Положение территории в излучине Волги от Плесского плеса до плеса Пучежского лучше всего может быть обозначено народным выражением «как у Христа за пазухой». Однако суть этого фразеологизма не материальное благополучие (как иногда принято считать), а духовная составляющая, ибо жить с Богом в формах личностного, а не только государственного измерения — очень сложная социально-историческая миссия.

В нашем Замосковном крае в разное время жили и трудились философы старшей когорты: профессора И. А. Лapidус, Н. П. Антонов (создатель философии сознания и ноосферы), Г. В. Платонов (биограф известного биолога К. А. Тимирязева), А. И. Уёмов (творец оригинальной общей теории систем), З. И. Ровенский («предтеча» объединения информационно-кибернетического и полевого видения мира). К этой когорте относится и старейшина современного ивановского философского сообщества профессор Ивановского государственного архитектурно-строительного университета Г. Н. Гумницкий (создатель теории основного морального отношения). Однако только Н. П. Антонов родился в Иваново-Вознесенске (в 1909 году) и всю жизнь прожил в родном городе, работая в ивановских вузах. Ему по праву принадлежит историческое звание — первый профессиональный иваново-вознесенский философ. Не будем вдаваться в исторические коллизии, связанные с тем, что живем в городе Иванове, а отмечаем дату образования города Иваново-Вознесенска, важно то, что Н. П. Антонов действительно принадлежит уникальной по своей природе иваново-вознесенской трудовой культуре, о которой достаточно много уже сказано в материалах журнала «Наша Родина Иваново-Вознесенск». Особость этой культуры в том, что именно здесь сформировался человеческий потенциал, который за очень короткий исторический промежуток времени создал развитую текстильную промышленность, обеспечил формирование «текстильного цеха страны».

Уникальность религиозной жизни края, огромный интерес к мировой культуре, «социальная мобильность» странничества, специфика понимания народной (советской) демократии, общинно-соборной жизни и социальной справедливости обусловили особое региональное мировоззрение, которое и сегодня рассматривается как модель толерантного жизнебытия в формах техносциального эволюционного развития.

Естественно, что жизнь в условиях сталинского самодержавия наложила очень сильный отпечаток на сознание Н. П. Антонова, но стержень его мировоззрения (и это становится видно именно сейчас, по прошествии двадцати пяти лет со дня смерти философа) — социально-материальная и духовно-нравственная культура Замосковского края, великими знаками которой являются и протопоп Аввакум, и кинорежиссер-философ А. А. Тарковский. Поразительным образом в философе Антонове воплотились оба эти архетипа: с одной стороны, одержимость идеями справедливости, здраво-разумности, русскости, а с другой — трагическое, до ностальгичности, понимание глобальности бытия в его переломных точках.

Философский путь профессора Н. П. Антонова в кратком изложении может быть представлен как переход от философии сознания к философии ноосферы и движение от диалектического материализма к гуманистической ноосферной глобалистике. Он не был «невъездным» или «зашоренным», как иногда сейчас изображают советских философов: преподавал в Польше, Венгрии, ГДР, переписывался с европейским философом-неотомистом, публиковался за рубежом, входил в состав редколлегии одного из двух самых крупных философских журналов страны — «Философские науки». Н. П. Антонов принимал участие в создании новосибирского Академгородка, ставшего ярким проявлением свободной науки в СССР, смог привлечь значительные силы философов и ученых для «ноосферного прорыва» — проведения в Иванове в 1983 году первой в России философской ноосферологической конференции.

Н. П. Антонов стоял у истоков формирования региональной философской школы. К числу его учеников-аспирантов относятся наши земляки Р. Г. Яновский (бывший ректор Академии общественных наук, член-корреспондент РАН, директор Центра социологии национальной безопасности), А. Н. Кочергин (бывший зав. кафедрой философии ИППК при МГУ). Из более чем тридцати бывших аспирантов профессора Н. П. Антонова десять стали докторами наук: практически во всех вузах города преподают его соратники и ученики. (Некоторые уехали из Иванова и работают в столице, к их числу, например, относится известный специалист в области современной западной философии профессор В. Г. Арсланов.) Впрочем, не все из тех, с кем свела научная судьба Н. П. Антонова, стали профессиональными философами, один из них еще в советское время выбрал религиозное поприще и сейчас является известным служителем Русской православной церкви. Особая страница деятельности Н. П. Антонова — создание диссертационного совета по философии, действующего до настоящего времени: в его лоне фактически сформировалось нынешнее региональное философское сообщество.

Антоновская ноосферная традиция продолжается и по сей день: за последние двадцать пять лет в ИвГУ проведено более десяти конференций по ноосферной динамике, ноосферному развитию, вышли монографии по проблемам философии языка, ноосферного сознания, ноосфеогенеза и семиогенеза, функционирует биосферно-ноосферный центр на базе Отделения изучения проблем биосферы РАЕН, разрабатывающий вопросы ноосферного образования и регионального устойчивого развития.

В чем же смысл ноосферной философии Н. П. Антонова? Прежде всего в том, что утверждается неразрывность глобального и регионального развития: попытка уйти из общемирового развития губительна для страны, но и забвение своих корней приводит к деградации общества. Мера соединения противоположностей определяется культурой разума человеческого обще-

ства и каждого человека в отдельности. Русская культура (в частности, поэзия, которую Н. П. Антонов очень любил и хорошо знал) сформировала свою философию глобальности, и в XX веке ее художественные смыслы переросли в философские и научные формы. В творчестве Н. П. Антонова постепенно сложилась гуманистическая формула соединения глобального и регионально-ноосферного развития.

К сожалению, считал Н. П. Антонов, сила социального разума иногда оказывается недостаточной для понимания сложности мира, поэтому развитие современной техноцивилизации несет все больше бедствий для развития человечества. Но в силах человека попытаться изменить себя и изменить мир, преодолеть архаические и современные формы социального безумия. Главный источник такого преодоления в философии и культуре, в понимании того, что бесконечное несовершенство социальной жизни может исправить только сам человек. Этот пафос, вышедший из культуры советского общества, актуален и в наше время, когда страна вновь набирается сил для того, чтобы ответить на те вызовы, которые несет с собой вхождение в третье тысячелетие.

Будущее страны в значительной степени определяется интеллектуальным и человеческим потенциалом каждой ее территории, поэтому обращение к творчеству людей, стоявших у истоков создания регионального образовательного пространства, чрезвычайно важно именно сейчас, когда формируется представление о том, что от каждого человека в значительной степени зависит наше общее будущее. Пример профессора Н. П. Антонова, всю свою богатую жизнь прожившего в Иванове, — хороший ориентир движения в этом направлении.

АННОТАЦИИ

А. В. Брагин

ПРОБЛЕМА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СОЦИУМА И КОНФУЦИАНСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Рассматриваются проблемы кризиса современного и постсовременного общества. В качестве методологической основы используются некоторые идеи конфуцианской философии.

Ключевые слова: современное и постмодерное общество, устойчивое развитие, конфуцианская философия, преодоление глобального системного кризиса.

П. Е. Калинин, А. Н. Портнов

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА ОПИСАНИЯ СОЗНАНИЯ

Рассматриваются проблемы, связанные с рефлексией над языком описания сознания. Выделяются методологические трудности, возникающие в этом случае. Сравнивая различные языки описания сознания, авторы используют некоторые понятия физической теории, которые ранее не применялись для этих целей.

Ключевые слова: сознание, язык, описание, метафора, сущностное, феноменальное, аналогия.

Л. Д. Петряков

СЕМАНТИКА КОНФЛИКТА

Рассматривается теория значения как различия, как части более общей теории противоречия (конфликта). В рамках конфликтологии предлагается онтологическое, семантическое и логическое разрешение противоречий (конфликтов).

Ключевые слова: язык, теория значения, семантика, различие.

Г. С. Смирнов

БИОСФЕРНО-НООСФЕРНЫЕ АТТРАКТОРЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДА ИВАНОВА

Рассматриваются теоретические и методологические проблемы формирования стратегии устойчивого развития регионального центра в контексте сопряжения локального, регионального и глобального аттракторов ноосферного развития. Предлагаются конкретные формы и проекты реализации доминантности экологических подходов применительно к урбанистике переходного кросскультурного периода.

Ключевые слова: региональное устойчивое развитие, методология ноосферного развития, коэволюция материального и духовного производства, региональная экология трудовой и интеллектуальной жизни.

SUMMARIES

A. V. Bragin

THE PROBLEM OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF SOCIETY AND CONFUSIAN CONCEPTION OF MANAGEMENT

The paper deals with some problems of modern and postmodern society. As methodological foundation the author uses some ideas of Confucian philosophy.

Key words: modern and postmodern society, sustainable development, Confucian philosophy, overcoming of the global systemically crisis.

P. E. Kalinin, A. N. Portnov

THE PROBLEMS OF THE LANGUAGE USED FOR DESCRIPTION OF CONSCIOUSNESS

The paper deals with some problems connected with the reflection on the language used for description of consciousness. Some methodological difficulties arising in this situation are figured out. Comparing different languages used for description of consciousness, the authors are also using some concepts of physics, which have never been used for these purposes before.

Key words: consciousness, language, description, metaphor, essential, phenomenal, analogy.

L. D. Petryakov

SEMANTICS OF CONFLICT

The paper deals with the theory of meaning as distinction, which is understood in the frame of more general theory of conflicts. In this frame ontological, semantic and logical solution of conflicts are offered.

Key words: language, theory of meaning, semantics, difference.

G. S. Smirnov

BIOSPHERE-NOOSPHERIC ATTRACTORS OF THE ECOLOGICAL DEVELOPMENT OF IVANOVO

Theoretical and methodological problems of formation of the regional centre sustainable development strategy in a context of local, regional and global attractors noospheric development interface are examined. The concrete forms and projects of the ecological approaches realization with the reference to urbanistics of transitive cross-cultural period are offered.

Key words: regional sustainable development, methodology of noospheric development, material and spiritual manufacture co-evolution, regional ecology of physical and intellectual life.

Сведения об авторах

БРАГИН доктор философских наук,
Андрей Витальевич профессор кафедры философии,
Ивановский государственный
энергетический университет.
E-mail: braanvi2009@yandex.ru

КАЛИНИН старший преподаватель
Павел Евгеньевич кафедры общей физики
и методики преподавания,
соискатель кафедры философии,
Ивановский государственный университет.
(4932) 54-90-98

ПЕТРЯКОВ кандидат философских наук,
Леонид Джоржович доцент, Ярославский государственный
технический университет.
E-mail: petryakovld@ystu.ru

ПОРТНОВ доктор философских наук, профессор,
Александр Николаевич заведующий кафедрой философии,
Ивановский государственный университет.
E-mail: portnov@mail.ru

СМИРНОВ доктор философских наук,
Григорий Станиславович профессор кафедры философии,
Ивановский государственный университет.
E-mail: gssmirnov@mail.ru